

РОЙ

ОЛЕГ

ИМИТАТОР УВЕРТЮРА

ПОХИТИТЬ. ЗАПЕРЕТЬ. УБИТЬ.
И ЗАБОТЛИВО ПОДАРИТЬ ГОРОДУ НОВУЮ «СТАТУЮ».

Олег Юрьевич Рой
Имитатор. Книга
первая. Увертюра
Серия «Имитатор», книга 1
Серия «Капризы и странности
судьбы. Романы О. Роя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50711877

*Имитатор. Книга первая. Увертюра: Т8 Издательские технологии /
RUGRAM; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-189446-7*

Аннотация

В питерских парках оставляют тела девушек с затейливыми прическами, выкрашенными в черный цвет. Убийцу прозвали «Красильщиком». Каждую из жертв видели с загадочной девушкой. Но кто она – убийца или сообщница? И что хотел сказать «Красильщик»?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Олег Рой

Имитатор. Книга

первая. Увертюра

© Олег Рой, 2022

© RUGRAM, 2022

© T8 Издательские технологии, 2022

*** * ***

Пролог

Ее звали Фанни. Не было никакой необходимости это запоминать, ее могли бы звать и по-другому, но эта попалась на глаза первой. Может, потому имя и запомнилось.

Краска на мгновение повисла в воздухе черным облачком, пробуждая то, давнее воспоминание – сверкающее облако, превращающее привычный мир в волшебный. И ничего, что это облачко совсем маленькое, не то что тогда, все равно – это хорошо. И в маленькой клубящейся черноте можно, прищурившись, разглядеть сияющие искры. Все правильно.

Тело приходилось подпирать, это было не совсем удобно. Но если дожидаться, пока оно совсем застынет, даже парящее черное облачко доберется не везде. Это было бы нехорошо. Неаккуратно. Неправильно.

Пленка покрылась черными потеками и кое-где лужицами. Но это вовсе пустяки, не имеет никакого значения.

Волосы у нее были светлые, пришлось красить. В какой-то момент это даже заставило усомниться в правильности выбора, но в итоге все получилось, как надо. Разве что, пожалуй, нужен еще один слой. Краска хорошо ложилась на лак, удерживающий волосы в нужном положении, но поверхность все-таки немного отличалась. Да, вот так будет хорошо. Волосы – это важно. Без них никак, никак нельзя было сказать то, что нужно было сказать.

Люди такие глупые.

Баллончик выпустил из себя еще одно черное облачко. Вот так. Все ровно, гладко, кожа матово блестит – как черная тушь. Хорошо.

– Неровно, – недовольно сообщил голос матери. – Не видишь разве: тут светлее, тут темнее.

– Нет-нет, это кажется только. Если голову повернуть или отодвинуться, светлое и темное тоже двигается, значит, на самом деле везде все одинаковое. Но если ты считаешь, я могу еще один слой положить.

Мать не ответила. Значит, еще один слой не нужен, значит, «темные» и «светлые» места на самом деле одинаковые. Одинаковые.

Превращается ли чудовище в волшебное существо? Нет, это не самый главный вопрос. Самый главный вопрос – куда девается чудовище? Нет, и это не главный вопрос. Главный вопрос: правильно ли это? Кто из них чудовище, и кто – волшебное существо? Что, если волшебное существо и есть чудовище? Или они – одно и то же?

Светлое или темное – это просто обман зрения. Они одинаковые.

Теперь можно было и отдохнуть, времени навалом. Краска высыхает моментально – пришлось долго искать и пробовать, чтобы найти именно такую – но телу, чтобы застыть, нужно несколько часов.

Отдохнуть нужно непременно, потому что работа пред-

стоит тяжелая, гораздо тяжелее, чем только что законченная. Но и это пустяк. Ведь то, без чего вообще ничего не получилось бы, то, страшное, оно получилось само собой. Потребовало лишь времени, а не собственных усилий.

Иначе ничего не вышло бы. Когда жизнь вдруг обрушилась градом сверкающих – но совершенно бессмысленных – осколков, даже собственные руки стали казаться чужими. Но на самом деле ничего не закончилось – просто изменилось!

Страшно было бы этого не увидеть. Не услышать!

Если бы не то совпадение...

Глупое слово – совпадение. Падение сов. Разве совы могут падать? Они же летают!

Всеведущий интернет сообщил, что совпадение еще более поразительно, чем выглядело! Втрое более поразительное, оно объединяло все – даже то, что казалось неудачей – сводя разрозненные брызги в одну сияющую точку!

Да, «светлое» и «темное» зависят только от угла зрения. Поэтому нужно отдохнуть – и продолжать свою работу.

Часть первая

Смерть играет в куклы

* * *

– Белой акации гроздя душистые!.. – напевала вполголоса Марионелла Селиверстовна, изредка прерываясь, чтобы одернуть разыгравшегося Монморанси. Пес был уже старенький, рыжие пятна на жесткой белой шерсти потускнели, подернувшись, как пеплом, сединой, с утра он, поскуливая, жаловался на непослушные суставы, зимой перетаскивал свою подстилку поближе к батарее. Но иногда вдруг вспоминал, что жизнь-то еще – ого-го какая прекрасная! Птички, стрекозы, вкусно шелестящая трава... запахи!

Монморанси его звали, потому что он был фокстерьер – классический жесткошерстный, с рыже-коричневыми пятнами и бежевыми подпалинами на белом фоне. Точно такой, как в повести Джи Кей Джерома «Трое в лодке не считая собак» и главное – точно такой, как в блестящей советской экранизации английского классика.

Соседки, ничего такого, видимо, не читавшие или не помнившие, называли его Мoneй. Мoneй, подумайте! Впрочем, Марионеллу Селиверстовну они и вовсе звали Марией Се-

меновной.

Она не обижалась, откликалась и на Марию Семеновну, только посмеивалась мысленно – если бы они только знали! В ее квартире половина стен были увешаны старыми афишами: «Цыганский барон», «Сильва», «Веселая вдова» и, разумеется, «Фиалка Монмартра»: Виолетта – Марионелла Коль. Вообще-то она была Кольцова, у них полдеревни было Кольцовых. А вот Марионелла была она одна! Мать рассказывала, что отец, когда ухаживал, водил ее в городе в музыкальный театр, смотреть «Фиалку Монмартра». Спектакль матери очень понравился, особенно главная героиня – не какая-нибудь там герцогиня или принцесса, а совсем простая девчонка. Ну парижская, ну и что? Отец, тогда еще жених, сказал, что она на нее, на мать то есть, похожа. В программе (хранившейся потом в особой шкатулке среди главных семейных драгоценностей) сообщалось: Виолетта – Марионелла Брют. Псевдоним, конечно. Но звучало красиво. И народившуюся в положенный срок дочку называли Марионеллой. Отца потом убили, конечно – в их деревню с войны вернулся только конюх Михалыч, и то без ноги. Марионелле с матерью еще полегче, чем многим, было: у них была коза – не корова, конечно, но коров на всю деревню три штуки сохранилось, остальных съели – а их тощая Злыдня на мясо не годилась, зато доилась хоть скудно, но исправно. Но Марионелла и желуди на муку собирала, и лепешки из лебеды пекла...

Ай, ладно, чего вспоминать! Имя как будто обещало ей

другую жизнь – где в зале с золотыми светильниками и хрустальными люстрами сидят нарядные люди, где на сцене поют так, что сердце замирает, а из ямы перед сценой торчит дядька в черном пиджачке с хвостами и белоснежной рубахе и машет перед собой палочкой! И ведь не обмануло, имя-то!

И в музыкальное училище она поступила – деревенская девчонка! – и в городе прижилась, и на сцену попала, и на афишах ее крупными буквами печатали, не то что всяких «и др».

Фамилия Кольцова для афиш, разумеется, не годилась во все. Кольцова, пфуй! Вот Шмыге повезло с фамилией. Зато Марионелле – с именем. Хотя ей, чего уж там, до великой Татьяны Ивановны было далеко. Что ж, не всем быть всемирно известными. В оперетте хватает и звезд рангом и сиянием поменьше, но ведь и они тоже – звезды. И Марионелла в свое время тоже... блистала. Пусть не на самых главных сценах, но ведь – блистала же! И Виолетту в «Фиалке Монмартра» пела – Карамболина, Карамболетта, у ног твоих лежит блистательный Париж! И гастролировала не только по стране – везде побывала, и в Берлине, и в Праге, и в далеком странном Токио, и главное – в том самом Париже!

– Боже, какими мы были наивными! – пропела она почти в полный голос строку все из того же романса. – Как же мы молоды были тогда! – и оглянулась: не косится ли кто на «сумасшедшую старуху»?

Но коситься было некому, парк по утреннему времени

был пуст. Ни мамочек с колясками, ни парочек влюбленных, ни бегунов. И даже если бы кто-то и встретился! Она, хоть и сумасшедшая – подумаешь! в театре других не бывает – какая же она старуха? Ну седина – погуще, чем у Монморанси – это да. Но седина – это даже пикантно. Лицо до сих пор вполне свежее, в магазинах нередко пенсионное удостоверение требуют, чтобы подтвердить право на скидки. Не выглядит она пенсионеркой, вот не выглядит, и все тут. Про фигуру и говорить нечего: легкая, стройная, подвижная. Спасибо оперетте! Это вам не опера, где был бы голос, а там хоть до размеров беременного кита толстей, никто и взгляда косого в твою сторону не кинет. В оперетте, знаете ли, еще и выглядеть надо, и двигаться. Сил этот жанр забирает ого-го сколько, зато и воздается ведь сторицей! Танцы, всю жизнь – танцы. Они куда лучше любой гимнастики: и фигуру сохраняют, и гибкость, и легкость. Так что какая же она старуха? Канкан, пожалуй, уже не по силам, то есть ногу-то выше головы вскинуть она еще вполне может, но разве что без зрителей, ибо – ну не то, не то. А в остальном – что угодно. Хоть венский вальс, хоть танго с самыми рискованными поворотами и па.

Оглянувшись еще раз, Марионелла изобразила изящный пируэт. Монморанси, воспользовавшись моментом, выдернул из ее руки поводок и поскакал в соседнюю аллею.

– Куда? Вернись, негодник!

Марионелла устремилась следом за непослушным питом-

цем.

Аллея шла с юга на север, потому низкое еще солнце не могло добраться до земли. Впрочем, тут и в полдень солнца было не так чтобы довольно: старые липы, сомкнув кроны, превратили парковую дорожку в почти тоннель – с ажурной, пронизанной светом крышей, но внизу все же сумрачный.

Скамейки в «тоннеле» стояли в шахматном порядке: сперва слева, метров через двадцать справа, потом опять слева и так далее. Монморанси притормозил, залиvisto взлаяв, у второй – той, что справа. Какой-то ненормальный водрузил на нее черный мусорный пакет.

Да какой здоровенный! С мешок картошки, а то и больше. Марионелла Селиверстовна укоризненно покачала головой. Тьфу на них совсем! С ума все посходили, честное слово! Скоро гадить начнут прямо посреди улицы, ей-богу! Даже дворники по осени свои набитые листвою мешки на скамейки никогда не водружали, прислоняли рядом. Про «гадить» она подумала из-за собачников. Кое-кто из них не удосуживался убирать за своими питомцами. Сама-то она всегда носила с собой пакетик и совочек – чтобы при надобности убрать за Монморанси. Как в Европе: она видела, когда бывала там на гастролях. В Питере эта традиция приживалась медленнее, чем хотелось бы. Хотя нет, грех на людей напраслину наводить, большинство собачников за своими любимцами убирали. Жаль, не все, не все!

Но приволочь в парк здоровенный мусорный пакет и водрузить его на скамейку?! Это уж вовсе какая-то запредельная дичь! Кому такое в голову взбрело?

Или не «притащить»? Может, служитель листву опавшую сгребал и прочий мусор? А сам отошел по какой-то надобности. Но зачем громоздить мешок на скамью? Да и не сезон еще, чтоб листву мешками собирать. А мешок-то, хоть и не битком, не круглый, буграми, но полный.

– Фу, Монморанси! Фу!

Песик, озадаченно поводя носом, звонко твякнул в последний раз и заскулил – жалобно, с подвыванием.

– Да что же это такое! Иди сюда, негодная собака!

Подойдя поближе, Марионелла Селиверстовна поняла, что странный предмет на скамейке – вовсе не гигантский мусорный пакет, а диковинная черная кукла – скрюченная, неприятно поблескивавшая. Отвратительнее всего блестели волосы, зализанные вверх в виде не то островерхого шлема, не то крючка какого-то.

– Фу, гадость какая! – она брезгливо поджала губы.

Пристроить на парковую скамейку черный манекен, да еще и голый! – это, воля ваша, еще более дико, чем притащить сюда мусор. Что у людей в головах делается? А после, небось, сфотографируют «это» со всех ракурсов и объявят шедевром современного искусства. Она вспомнила модное слово «инсталляция». Или этот, как его, перформанс! Нет, не после – наверное, создатель сего ужаса все требуемые фо-

тографии уже сделал, а убрать за собой поленился.

Вот ткнуть бы сейчас этого... создателя в его «гениальное» творение! Носом, чтоб проняло! Пахло от диковинной куклы не слишком приятно: к химическому запаху краски (или самого, может, пластика?) примешивался сладковатый душок. Как от давно не мытого холодильника. Современное искусство! Раньше искусство было – про красоту, оно возвышало, заставляло мечтать, грезить о несбыточном. А нынешние «шедевры» про что? Чем отвратительнее, тем, считается, гениальнее. Один такой творец, она читала, запечатал в банки собственные, простите, экскременты – и выставил на аукцион! И, что всего удивительнее, неплохо на этом заработал. Вот скажите, что должно быть в голове у человека, покупающего подобный «художественный продукт»? О чем этот покупатель, глядя на свое приобретение, будет мечтать?

Марионелла Селиверстовна вдруг почувствовала себя очень, очень старой. Не зря ведь говорят: старость подступает, когда ты начинаешь удивляться платьям и прическам молодых. Перестаешь их понимать.

– Пора нам с тобой, Монморанси, на погост, а?

Пес жался к ноге, поскуливал – образчик современного искусства и его в восторг не приводил, даже, похоже, пугал.

Или это все-таки не инсталляция, а нечто, как бишь его, динамическое? Какой-нибудь социологический эксперимент? И все происходящее снимает висящая где-то поблизости камера?

Протянув руку, Марионелла коснулась пластмассово блестящего плеча.

Только это была не пластмасса...

Холодная черная поверхность подавалась под пальцами – несильно, но как-то... гадко.

И запах... да... Вот что это за запах!

Господи!

Не кукла это, не манекен – тело.

Мертвое.

Женское.

Ну да, мужское – это было бы совсем глупо.

Девушка. Молодая. Нет, не негритянка – просто вся покрыта чем-то черным.

Отдернув руку, Марионелла Селиверстовна старательно вытерла пальцы о спинку скамьи.

Надо было уходить отсюда, бежать, звонить, кому-то сообщать – да? А она все стояла, разглядывая «инсталляцию».

И уж конечно, не подпрыгнула, как наступившая на кнопку балерина, не завопила, как увидевшая мышь оперная дива. Голос не для того дан, чтобы вопить.

Ей ли, в ее семьдесят пять, строить из себя нежную мимозу? Тем более, свидетелей вокруг нет, никто не оценит силу и глубину изображаемых эмоций, хоть предсмертную арию Джильды в полный голос исполни. Вполне можно и не изображать, вполне можно быть только собой. Любопытной, но – равнодушной.

Конечно, она с самого начала обманывала себя. Проще было думать, что это мусорный мешок или дурацкая кукла. Но на самом-то деле она – знала. Еще до того как Монморанси завыл – знала.

И совершенно не из-за чего тут впадать в истерику или хотя бы изображать оную.

Ну, труп, и что? Она даже живых не боялась.

Хотя остерегалась, не без того. Театр, тем более музыкальный – это ведь такой гадючник, что скорпионы божьими коровками покажутся. Интриговали за роль, за то, чтоб попасть в гастрольную труппу – если гастроли предстояли в «цивилизацию». За рубеж то есть. Или наоборот – чтобы не попасть. Если ехать предстояло в какой-нибудь никому не известный Зареченск. За внимание режиссера – особенно какого-нибудь приглашенного, знаменитого. И клей в грим наливали, и костюмы портили, а уж что на уши все и всем нашептывали – страшно вспомнить. Марионелла Селиверстовна довольно улыбнулась. Она-то была примой, а значит, вечной мишенью. Примою трудно стать, а еще труднее – остаться. Но ей, кроме таланта и упорства, достались, к счастью, и мозги. У нее всегда получалось кого угодно вокруг пальца обвести, любого театрального хитреца-интригана.

И удачливости ей было не занимать. Нередко и стараться не приходилось, все происходило само собой: неприятности рассеивались, как предутренний туман. У соперницы, готовой душу и тело черту лысому продать ради роли и уже почти

преуспевшей в своих интригах, случалась страшная анги-на или еще какая-нибудь напасть. И блистать выходила Марионелла. Одна из таких заклятых коллег, помнится, узнала об измене мужа, в котором души не чаяла – и голос на нервной почве пропал. У другой случилась страшная аллергия – слишком много цветов в гримерку натащила, дура.

В общем, так или иначе, многое, что мешало Марионелле в жизни, исчезало с пути как по щучьему велению. Судьба ее любила. И не только в театре. Лет пять-шесть назад ей страшно досаждал незнамо откуда объявившийся в их доме новый жилец. Дрянной, пустой человечиска. Не то чтобы он был вовсе уж пропащим алкоголиком. Но после рюмки-другой-третьей его тянуло на задушевные разговоры, и он принимался «налаживать теплые отношения» с соседями. Марионелла делала суровое лицо, обходила его, как если бы он был пустым местом – но он догонял, даже за рукав, бывало, хватал. Наглость какая! И что? Как-то раз, возвращаясь домой подшофе, свалился у самого подъезда – не то код домофона забыл, не то просто поскользнулся. А морозы тогда стояли такие, что приходилось окна одеялами завешивать. Ну и замерз этот, как там его... Не иначе как судьба о Марионелле в очередной раз позаботилась.

Иногда же довольно было свернуть в сторону, в безопасное место – чтобы избежать неловкости, неприятности или пуще того начальственного недовольства.

Вон недавно на бывшего мужа наткнулась случайно – так

отвернулась поскорее, почти побежала прочь. Чтоб не заметил, не узнал, не дай бог. Ее-то узнать – не вопрос. Все та же Марионелла, разве что седины прибавилось. Смешно. В те давние времена у нее, разумеется, никакой седины вовсе не было, а сейчас – сплошь, сплошь. Много воды утекло, да. Даже удивительно, как она Марика узнала. Сперва подумала, что грузный мятый дядька кого-то напоминает, потом вдруг поняла – кого. Ужас, если по правде! А ведь такой красавец был, ах! Ах, как она тогда влюбилась!

Ненадолго, к счастью. Да и что теперь вспоминать.

Прошное должно оставаться в прошлом. А он, надо же, попался ей навстречу... Толстый, рыхлый, глаза в землю – словно потерял что-то. Потому она и успела свернуть. А то пришлось бы здороваться, улыбаться натянуто. Да еще не дай бог потащил бы ее в кафе, сыпля мечтательными «а помнишь». И она пошла бы, как миленькая – не какой-нибудь случайный знакомый, от которого не стыдно отделаться стандартным «я тороплюсь». Муж все-таки, хоть и бывший. Вежливость обязывает.

Костюм на бывшем был, кстати, очень и очень недешевый, а ботинки и вовсе. Она успела разглядеть. Да что толку в богатстве, если ничего больше не осталось? Ни огня в глазах, ни быющего через край обаяния. Как подумаешь, лучше уж умереть, чем существовать в виде такой вот руины.

Черная скрюченная фигура на скамейке поблескивала почти красиво. Эта девушка не успела превратиться в руину.

Если бы вместо нее на скамейке сидел выкрашенный в черное труп бывшего – он был бы разве что смешон. А эта ничего так выглядит...

Надо же, какие странные мысли. Марионелла вздохнула – глубоко, с непонятным облегчением.

В конце концов, если что-то случается – значит, так должно было случиться, ведь так? Даже если случается смерть.

* * *

Старшего эксперта-криминалиста Никифора Андреевича Стрыгина за глаза звали Никасом. Впрочем, он и в глаза не возражал, хотя на модного художника с его демоническим взглядом и нарочито богемной шевелюрой не походил вовсе. Худой, коротко стриженный Стрыгин выглядел лет на двадцать моложе своих «на пенсию давно пора». Пенсией он грозился нередко. Арина не знала, сколько ему и в самом деле осталось до почетной отставки, даже думать о том не хотелось. Как же они без Никаса?

– Ты зацени, Вершина, какая скорость! – бодро заявила трубка. – Все заказы ради тебя подвинул.

– Можно подумать! Дело-то – одно на миллион такое.

– Ладно-ладно, не ершись. Начальство, что ли, взгрело?

– С чего ты взял? – опешила Арина.

– Ты не в курсе, что ли? В сегодняшнем «Вестнике», говорят, какая-то журналисточка разгромной статьей разро-

дилась. Бла-бла-бла, страшный маньяк терроризирует город, следствие топчется в тупике, кто станет четвертой жертвой? И прочее в этом духе. К гадалке не ходи, Чайник будет тебя в хвост и в гриву, гм, прорабатывать. Да не дрейфь, дальше Кушки не пошлют, меньше роты не дадут.

– Чего звонил-то? Есть результаты?

– Ну... это как посмотреть. То есть результаты есть, я даже оформил, все воедино свел, пришли кого-нибудь или сама заходи.

– Но?

– Угу, – подтвердил Никас. – Я и так и эдак выкручивался, но увы. Краска та же, что и на первых двух жертвах. Но мы же этого и ожидали? Обычный аэрозольный баллончик, такую краску и в автосервисах используют, и городские художники для росписи стен. Ну граффити в смысле. То есть краска не для боди-арта, а для самых что ни на есть бытовых нужд. Но я тебе это и в прошлый раз говорил, и в позапрошлый. Сейчас все то же самое.

– Та же – в смысле она того же типа или идентичная?

– Идентичная, Вершина. Только это тебе вряд ли поможет. Ты ж и так знала, что это серия. С таким-то антуражем.

– Ну все-таки! Если идентичная, может, удалось бы источник отследить.

– Ага, как в кино. Такую краску использовали для автомобилей такой-то марки такой-то серии в таком-то году, специальные добавки позволяют любознательным экспертам ви-

деть, в каком месяце красочка произведена и, соответственно, куда отправлялась для реализации. Далее гордый эксперт сообщает бьющему копытом следователю, что так-то и так-то, требуемая красочка продается во-он в том магазине. Да еще и работает этот самый магазин исключительно по безналичному расчету. И вуаля, берем злодея за химок. В смысле за банковскую карточку. Нет, дорогая. Такую краску Питер потребляет декалитрами.

– Много ее надо? На тело то есть?

– Ну... смотря как красить. Вот смотри. Площадь тела, в смысле, площадь человеческой кожи приблизительно два квадратных метра. Девушки наши все невысокие и худенькие, у них поменьше. То есть если ты надеешься на отслеживание крупных приобретений, забудь. Литрового баллончика с гарантией на двоих хватит, а то и на троих. Хотя у аэрозоля будет довольно большой дополнительный расход – на соседние поверхности, ну на что он там тела кладет. Но это не критично. Купил сразу три баллона или пять...

– И покупка такого количества не вызвала бы подозрений? Не запомнилась бы продавцам?

– Бог с тобой, золотая рыбка! Он же не полста баллонов покупал. Ну три, ну пять, ну десять – если запасливый очень и планирует долго еще нас своими инсталляциями радовать.

– Типун тебе на язык!

– Я к тому, что ничего необычного в такой покупке нет. А если покупать в каком-нибудь строймаркете, где за день

тысячи покупателей...

– Но в строймаркете камеры наблюдения!

– Точно-точно. Нет, теоретически можно изучить всю базу со всех магазинов, вычленив оттуда всю нужную нам краску, отобрать покупки за наличные – не картой же он расплачивался. А после привязать время подходящих покупок к записям камер наблюдения... и умереть от старости в процессе их рассматривания. Мы ведь даже не знаем, однократная эта покупка или их было несколько. Может, он неделю подряд приходил по баллончику покупал.

– А это не подозрительно?

– Подозрительно – что?

– Ну... что один и тот же человек каждый день...

– Что он один и тот же, ты увидишь только на камерах.

А после, схватив подозрительного тебе персонажа, обнаружишь безобидного уличного художника. Или десяток уличных художников. А если это была все-таки одна покупка? Лично я, кстати, так бы и сделал. Мы ж не знаем, сколько краски он купил. С учетом потерь на непродуктивный расход, я имею в виду. Можно бы эксперимент провести, но манекен потом очень мучительно отмывать. Данетотыч еще перед первой аутопсией звонил, спрашивал.

Данетотычем называли любимого всеми «доктора мертвых» Мстислава Евстигнеевича Федотова. Место зубодробительного имени-отчества давным-давно заняла фамилия, для удобства превращенная в аналог отчества. Федотыча же

кто-то из шутников преобразил в Данетотыча, Федот, мол, да не тот. Называли так Федотова больше за глаза, но можно было и лично, прозвище ему явно нравилось.

– Трудно отмывать, говоришь?

– Ты хочешь его по пятнам искать? Или по запаху растворителя?

– Господи! Я готова его через хрустальный шар искать! Думаешь, он мог и не запачкаться?

– Да запросто. Перчатки, фартук, да хоть комбинезон пластиковый. Или пленкой пищевой обмотаться – дешево и сердито. Сохнет эта фигня моментально. Лак, что на волосах, подольше, но ненамного.

– Про посторонние волокна, пыль или еще что-то в этом роде бессмысленно спрашивать? Опять ничего?

– Ты еще про чужой эпителий спроси! Ты же понимаешь, если бы что-то было, ты узнала бы об этом первой?

– Но как? Краска, может, и быстро сохнет, но ему все равно приходится с телом контактировать, должно же хоть что-то остаться!

– Не обязательно. Я ж говорю, пластиковый комбинезон и все дела. А чтоб по городу в комбинезоне не шляться, он, думаю, тела тоже пластиком оборачивает. Ну типа мусорных пакетов. Даже шестидесятилитрового почти хватило бы, а литров на сто...

– Такие большие бывают?

– Еще и не такие бывают. Ты никогда мусор после ремонта

не вывозила?

– Понятно... Проклятье!

– Категорически согласен. У Данетотыча, как я понимаю, тоже ничего?

– Все то же самое. Посторонней биологии нет, травм тоже. В районе талии, правда, он что-то такое вроде бы обнаружил, но скорее нечто, чем что-то реальное.

– Следы связывания?

– Не исключено. Хотя настолько слабые, что Данетотыч и сам сомневается. Нет, но какой аккуратный мерзавец!

– Мне жаль, Арин, – голос в трубке звучал почти ласково. – Честное слово!

– Да я понимаю, если бы там хоть что-то было, ты нашел бы. Спасибо, что позвонил. Протоколы потом заберу, толку с них...

– А в дело подшить? Чтобы Чайнику было что предъявлять.

– Вот разве что.

* * *

Чайника Арина не боялась – за два года успела привыкнуть, что новый начальник делает все, чтобы «держать введенный контингент в тонусе», нет повода – просто так нотацию закатит. Например, из-за того, что ты не явился вовремя с ежедневным докладом. Ни допрос ключевого сви-

детеля, ни даже «внеплановый» труп в качестве оправданий не принимались. Положено – значит, положено. Чтоб не ослаблялись. Иван Никитич никогда себе такого не позволял. Суров был – ну так работа такая, а попусту цепляться ему и в голову бы не пришло. Когда он уходил в отставку, все были уверены, что в его кресло сядет Савонарола – Семен Игнатьевич Савельев – старейший следователь подразделения, педант, зануда и придира. Натуральный Великий Инквизитор. Но дело он знал как мало кто, и работать с ним было, безусловно, можно.

А прислали варяга. Думали, долго не засидится, прыгнет из кресла начальника районного следственного комитета к новым карьерным высотам, но их, видимо, пока не подворачивалось. Даже забавно – третий год красавец нами руководит, а все – «новый начальник». Чайник – он чайник и есть.

Первое, что он – Петр Ильич Чайкин – сделал на новом месте – выбил из хозуправления какие-то неведомые фонды на ремонт собственного кабинета. Обустроил «рабочее» пространство. Только этим Арину и напрягали регулярные «мотивационные беседы»: стоять в кабинете, где ничего, ничегошеньки не осталось от Ивана Никитича, было по-настоящему тошно.

В раздражении она слишком резко дернула связку ключей, которую – вот еще дурная привычка! – крутила в руках, и подвешенный к ней крошечный, полтора на полтора сан-

тиметра кубик Рубика соскочил с разболтавшегося шпенье-ка, выскользнул из-под пальцев, весело проскакал по столу и прыгнул на пол.

Кубик было жалко. Виталик, тогда еще будущий муж, подарил его Арине в стародавние времена. Вздохнув, она поднялась, обозрела на всякий случай заваленную бумагами столешницу – может, упрямый брелок и не падал на пол, может, спрятался в бумажных завалах? Но увы. На столе ничего не пестрело. И прямо под ногами тоже.

Арина задвинула свое кресло под стол, присела между стеной и его спинкой, огляделась. Но яркого разноцветного пятнышка было не видеть нигде. Не хватало еще, чтобы под сейф закатился! Рука туда не пролезет, и что делать? По закону подлости кубик наверняка именно под сейф и закатился! Но, может, все-таки нет?

У приличных девушек, бормотала она себе под нос, шаря ладонью там, куда не достигал взгляд, у приличных девушек в одном из ящиков стола непременно вязание лежит – чтобы время коротать между офисными чаепитиями. А в вязании – спицы. Спицей под любым сейфом можно пошуровать. А у тебя во всех ящиках – сплошные служебные материалы (те, которые не обязательно в сейф складывать). И никаких спиц!

Неловко извернувшись, она опустила голову к самому полу – над лопаткой стрельнуло – и одновременно не столько услышала, сколько почувствовала: в кабинете кто-то есть.

В животе ледяной тяжелой каплей завозился страх Это было глупо, очень глупо. Паникерша! Какой-то злоумышленник сумел пробраться в глубину занимаемого следственным комитетом здания? Да еще именно в ее кабинет?

И все-таки тут кто-то был. Стоял прямо перед ее столом – она видела ноги в кроссовках.

В удивительно знакомых кроссовках...

– Кирка! Ты чего врываешься? Напугал, чтоб тебя!

Выбравшись из-под стола, она умостила в разболтанное офисное кресло, поерзала – между левой лопаткой и шеей ощутимо ныло. Не остро, но неприятно: акробатика под столом не прошла даром. Во всех смыслах этого слова. Арина словно видела себя со стороны: наверняка красная, растрепанная и на джемпер, небось, затяжек насажала, вечером придется, шурясь, орудовать крючком, заправляя их на изнанку.

А этому как с гуся вода! Стоит довольный, любителю на несказанную ее красоту.

Когда Арина только начинала работать, она довольно долго считала, что Кира – это уменьшительное от Кирилл, а регулярно проскакивающие в разговоре то Ира, то Ирка списывала на вечные оперские шуточки. Потом обнаружилось, что Кира (или просто Кир) – сокращение от фамилии Киреев. Имя же у него было диковинное – Иреней. И внешность такая же – Илья Муромец в полный рост. Язычок у него, впрочем, был острый, как бритва, Арина поначалу даже обижа-

лась на его едкие шуточки. Но быстро поняла, что Киреевский цинизм примерно того же происхождения, что и специфический юмор патологоанатомов – потому что ежедневно приходится сталкиваться с тем, чему и помочь нельзя, и терпеть невыносимо.

– Видела уже? – опер бросил на ее стол газету.

«Вестник», кто бы сомневался! На первой полосе красовался броский заголовок: «Смерть играет в куклы» с пометкой «читайте на развороте результаты журналистского расследования». Под ним – крупная, чуть размытая фотография последнего места преступления. Точнее, места обнаружения последнего черного трупа. Снимок, что хуже всего, был сделан в момент осмотра: слева от скамейки стояла она сама, в шаге от нее – вооруженный фотокамерой эксперт-криминалист. Кадр там и сям пестрел вовсе уж туманными полосками и бликами. Ясно, снимали из соседней аллеи, с телеобъективом. Но как эти чертовы журналисты оказались там так быстро?

В правом углу ярко белели буквы – немного мельче, чем в заголовке: «Следствие в тупике?»

Вопросительный знак не позволял обвинить издание ни в диффамации, ни в оскорблении официальных органов. Что такого? Это же просто вопрос! Каждый имеет право строить предположения. Даже если завтра на первой полосе поставят заголовок «Следователь лечится в наркологической клинике?», ничего им не сделаешь. Если, конечно, внутри тек-

ста будет написано что-нибудь вроде: «Непредвзятое журналистское расследование выяснило, что пациентка К. клиники „Ля-ля-ля“ лишь слегка похожа на следователя Арину Вершину». И фотография – размытая, но свидетельствующая: да, похожа. И ничегошеньки им не сделаешь! Какие претензии? Мы же написали, что в клинике лечится совсем другая дамочка! Ах, вы считаете, что подавляющая часть населения читает только заголовки, поэтому наша публикация наносит ущерб репутации упомянутого следователя? Или, как в данном случае, следственных органов в целом? Обращайтесь в суд!

С более чем сомнительными перспективами. Издание на этом еще и бесплатную рекламу заработает.

Может, они хоть в самом тексте что-то «не то» сказали?

Открыть разворот она не успела.

– Вершина, к Петру Ильичу!

Секретаршу Чайник сменил сразу, как только завершил обустройство кабинета.

Бессменная и, главное, всеми любимая Тамара Терентьевна отправилась дорабатывать оставшиеся до пенсии месяцы в архив, а на ее место уселась длинноногая большеглазая Анжелика.

Тамару Терентьевну было жалко. Арина сгребла со стола папки, фототаблицы и даже листы с собственными невнятными каракулями, сунула в нижнее, почти свободное отделение сейфа, лязгнула дверцей.

– Молодец! – непонятым голосом похвалил Киреев. – Соблюдаешь инструкции.

– Ну не выгонять же тебя из кабинета. А вдруг проверка явится?

– Угу. Или налет злоумышленников. Меня кирпичом по кумполу, а документы украдут! И продадут за тыщу миллиёнов двадцати бандитским группировкам и пяти вражеским разведкам. Да иди уже, а то Чайник из тебя чучело набьет.

* * *

Арина молча разглядывала собственные ногти, лишь бы не поднимать глаз на разгневанное начальство. И главное, чтоб не видеть сногшибательной элегантности кабинета. Ногти были гораздо хуже, чем у Анжелики.

– Вот это что такое? – Чайник помахал перед ней развернутой газетой. «Питерский Вестник», кто бы сомневался. – Что это? Что ты этой журналистке наговорила?

– Можно?

– Давай, давай, полюбуйся!

Фотографию на разворот поставили ту же, что на первую полосу, разбавив текст еще несколькими снимками – историческими. Арина пробежала глазами по строчкам – наискось. Текст был, по правде говоря, ни о чем. Авторша – ее фото красовалось в правом верхнем углу – пыталась про-

водить параллели с самыми известными «маньяками». Был тут и Чикатило, и Джек Потрошитель, и Зодиак, и Берковиц, и Тед Банди. Даже почему-то Уна Бомбер и Ледяной человек Куклинский, который и вовсе был киллером. Вот уж где имение, а где вода, подумала Арина. Наобум выдергала из википедии серийных убийц и давай строчить. Ну, по крайней мере, она не называет этого убийцу Красильщиком, как многие другие. И, что еще лучше, судя по перечню «параллелей», журналистам еще не известно, что жертв не насиловали. И чего Чайник так взбеленился?

Хотя она понимала – чего.

Пакость была в том самом вопросительном знаке, которым заканчивался подзаголовок «Следствие в тупике». В самом же тексте журналистка, пройдясь по «упорному молчанию», писала: «Создается впечатление, что следствие не то топчется на месте, не то зашло в тупик. И всем нам, разумеется, очень хочется, чтобы впечатление это было ложным». Не придерешься.

– А что, собственно? – Арина как бы удивленно подняла брови. – Насочиняла эта, как ее... Регина Андросян, нарасказывала сказок, вот и все. Я с ней даже не разговаривала. Все звонки же на приемную переключаются.

– Стрелки переводишь? – сморщился Чайник и взревел. – Анжелика!

Та возникла на пороге так быстро, словно подслушивала под дверью.

– Видела? – Чайник показал ей газету.

– Разумеется, видела, Петр Ильич.

– Кто перед этой Андросян язык распустил?

– Никто, Петр Ильич. Журналисты звонят постоянно, я всем отвечаю «без комментариев». Эта девушка лично явилась, требовала встречи с ведущим следователем и с вами. Грозила законом о печати, о праве на информацию твердила, потом на жалость давить стала. Что у нее задание, что ее уволят, – Анжелика едва заметно, уголком рта улыбнулась.

– Что ты ей сказала?

– Ничего, Петр Ильич.

– Но она тут понаписала... Ты сама-то читала?

– Разумеется, Петр Ильич. Там нет ничего, предположения и домыслы.

– Но она пишет, что по Петербургу серийный убийца разгуливает!

– Три убийства по одной схеме – это серия, Петр Ильич, – бесстрастно констатировала Анжелика. – А что схема одна – не надо быть гением, чтобы догадаться, достаточно на снимки с мест посмотреть.

– И откуда же у них, у стервятников, снимки? – почти ласково спросил Чайник. – Кто пустил их на места?

Мысленно Арина почти аплодировала длинноногой красоте. Ну и что, что ногти! Не на рабочем же месте она их красит. Наоборот, говорили, что девчонка толковая, диплом юрфака не за красивые глаза получила. И с Чайником вон

как умело обращается. Хотя работка у нее совсем не сахар: мало того, что начальник – тот еще жук, теперь и журналисты налетели. А она кремень, никому ни полсловечка. Даже про способ умерщвления жертв и то никто пока не пронюхал.

– Петр Ильич, – вмешалась она. – Никто журналистов на места не пускал. Но это же парк. А снимать не обязательно вблизи. Телеобъективы у них, понимаете? Видите, полосы и пятна? Это ветки и листья, только не в фокусе. С соседней аллеи, я так думаю, снимали, через кустарник.

– Она так думает! Вот откуда журналистка знает, кто дело ведет? Ты с ней все-таки трепалась?

– Нет, Петр Ильич, ни с этой Андросян, ни с кем-то еще из журналистов я не общалась, – кротко ответила Арина, подумав, что вообще-то пресс-конференцию надо было организовать уже давно. Или пресс-релизы, что ли. Меньше во-ни было бы.

– И откуда они знают тогда про тебя?

– Фамилия следователя – не секретная информация, – по губам Анжелики опять скользнула все та же улыбка. Почти неуловимая – не придерешься.

– А про то, что следствие в тупике?

– Мы же брифинги не проводим, вот они и злятся.

– Брифинги им! Они тогда вовсе с цепи сорвутся. Ладно, иди. Я не тебе, Вершина!

Арина только вздохнула.

– Ты понимаешь, как тебе повезло, что такое дело в руки досталось? – продолжал бушевать Чайник. – Громкое! Пресса из кожи вон лезет, меня каждый день сверху трясут. Тебе все плюшки, мне все шишки. А ты ваньку валяешь?

Может, все-таки попробовать хоть что-то ему объяснить? А то «ваньку валяешь»!

– Я работаю, Петр Ильич. Но мы пока не понимаем смысл происходящего.

– Какой тебе смысл нужен? – перебил он. – У психа снесло крышу, он начал убивать, – назидательно сообщил он и взглянул на Арину свысока. Хотя она стояла, а он сидел.

– Не просто убивать. Эти трупы – это ведь явно послание.

– Послание? И о чем же?

– Вот это я и пытаюсь понять.

– Вместо того, чтобы просто работать. Работать надо, Вершина, а не в умствованиях расслабляться. Азбука ведь! Где свидетели?

– Опрашиваем, Петр Ильич. Собачников, бегунов, окрестных жителей... Пока ничего.

– Не может быть, чтобы этого придурка никто не видел! Труп – не кошелек, в карман не спрячешь.

– Пока ничего, Петр Ильич, – повторила она.

– Значит, надо с другой стороны зайти! Мне что, всему тебя учить? Надо опросить ведущих психиатров, наверняка этот тип на учете состоит. Вот пусть специалисты и скажут, чей это почерк. А ты умствуешь. Послание, видите ли! В по-

сланиях больного рассудка разбираться – дело психиатров, когда он в наших руках окажется, а твое дело – выловить этого ненормального. А не в бирюльки играть. Вон посмотри, какой у Савельева выход, поучись, как надо над делами работать! А ты все какой-то высший смысл ищешь.

Вот и славно, устало подумала Арина, раз про Савонаролу вспомнил, значит, орать будет еще минуты две, не больше.

* * *

Киреев, вольготно развалясь в ее кресле, жонглировал крошечным пестрым мячиком. В следующую секунду Арина поняла, что это не мячик, а потерянный два часа назад кубик Рубика.

– Ты где его взял? Это мое!

– Ну не мое же, – фыркнул опер, восставая из кресла. – Ключи давай!

– К-какие ключи?

– Кольцо, на котором эта штука у тебя висела.

Почему-то она послушалась. Отдала, правда, не всю связку, только колечко, с которого сиротливо свисала петелька от кубика.

Киреев насадил кубик на шпенек, снял, буркнул «тут когда-то резьба была, а теперь только на клей», выудил из очередного кармана яркий тубик, сосредоточенно нахмурился и через минуту положил кубик – уже с петелькой – на стол:

– В принципе, минут пятнадцать достаточно, но я бы посоветовал для полной гарантии его до завтра к ключам не цеплять.

– Где ты его нашел?

– Чего его искать? Посветил фонариком по углам и увидел.

– Фонарик – обычный элемент снаряжения опера? – довольно язвительно осведомилась Арина и сама на себя рассердилась. – Ну да, не подумала. А клей? Тоже из серии «будь готов – всегда готов»?

Киреев засмеялся:

– Однажды подметкой за гвоздь зацепился, пришлось с разъявленным башмаком часа два бегать. Мало, что неудобно, так на улице минус пятнадцать было, повезло еще, что ничего не отморозил. Ты чего морщишься? Чайник тебя что, не только словами лупцевал?

– Спину потянула, когда кубик искала, – она повела плечами – от лопатки к шее постреливало. – Ладно, пройдет, пустяки.

Хмыкнув, он обогнул стол, встал за спиной, принялся разминать ей плечи и затылок.

Это было так приятно, что Арина сказала почти ехидно:

– Ты у нас, смотрю, и швец, и жнец, и на дуде игрец?

– Я опер, Вершина, – довольно равнодушно ответил он.

Здоровенные, футбольный мяч поместится, ладони Киреева были при том на изумление изящными: узкие, с длинными

ми «музыкальными» пальцами. Очень нежными.

– Спасибо, Ир, – благодарно кивнув, Арина, прерывая колдовство, отстранилась.

Он выбрался из-за ее спины, плюхнулся на «свидетельский» стул напротив.

– Сильно взгрели?

– Да как обычно...

– Я тебя ожидаючи проглядел статеечку, – он помахал газетой.

– Материал, – автоматически поправила Арина. – Журналисты говорят не «статья», а «материал».

– Да и леший с ними. Главное, что там пусто. А то я было испугался, начал прикидывать, какая из контор течет, ваша или наша. Но, похоже, до журналюг никакие подробности еще не дошли.

– Угу. То-то блогеры наперебой изгаляются: тут тебе и каннибализм, и некрофилия, и вампиризм, и черт знает что еще.

– И Ганнибала Лектера через слово поминают. А кто пообразованнее – парфюмера, про которого тот мужик написал с непроизносимой фамилией.

– Зюскинд.

– Точно. Идиоты, короче. Вот им будет разочарование, когда широкой публике станет известно, что убийца не насиловал своих жертв, кожу с них не снимает, кровь не сцеживает, даже не душит.

– Как по мне, лучше бы душил. Это быстрее, чем умирать от обезвоживания.

– Тоже верно. А еще милосерднее – выстрел в голову. Ну так чего?

И тут до Арины наконец дошло, что Киреев явился сегодня вовсе не ради глупой газетки или починки ее, Ариного, брелока. Она вскочила было, но кресло поехало, стукнуло ее под коленки, и Арина плюхнулась назад:

– Что? Что узнал?

Но вредный опер, демонстративно развалясь на свидетельском стуле, ухмылялся:

– А сплясать за новости?

– Иди ты!

– Злая ты, Вершина! Нет бы развлечь опера, который в погоне за информацией ноженьки сносил по...

– По самые гланды! Говори уже!

– Итак. Первая девушка...

– Господи! Опознали наконец?!

– Я не господи, но ход твоих мыслей мне нравится. Слушать будешь?

– Молчу.

– Первая девушка, в смысле которую первой нашли, это у нас Фанни Ланге.

– Француженка, что ли?

– Молчит она! Вполне русская девушка. Из Прибалтики приехала. Работала в цветочном салоне «Флоренция», кото-

рый принадлежит ее какой-то там тетке. Нет, в полицию обратилась не тетка, а подружка девушкина, тоже цветочница.

– Опрашивал?

– Решил, что ты сама захочешь. Ах да, ни по месту жительства, ни по месту расположения цветочного салона притяжения к месту выкладки тела нет.

– Почему-то меня это не удивляет...

– Меня почему-то тоже. Слушай дальше. Вторая у нас была Доменика Смирнова.

– Доменика? Слушай, может, он на диковинных именах зациклен?

– Поймаем – спросишь. Доменика Смирнова трудилась в банке менеджером по работе с клиентами. Мать с новым мужем живет в Финляндии, заявление подали коллеги.

– Опрашивал?

– Ответ аналогичный.

– Давай прямо завтра с утра по свидетелям поедем?

– С утра так с утра, как скажете, мэм.

– Притяжения к месту тоже нет?

– Не-а.

– Ничего не понимаю. Бывает хоть тень мысли, а у меня перед глазами пусто. Не вижу логики.

– Ну так псих же явный, откуда там логика.

– Вот и Чайкин мне то же самое талдычит: хватит этих ваших интеллектуальных извращений, работайте! Логика всегда есть. Только у психов она такая, сам знаешь, кривая. Но я

никакой не вижу. Ну кроме того, что жертвы более-менее одного типа. Ну и оформление... неподражаемое. Если бы не это, никто никогда эти трупы бы не объединил. Раз убийца такой яркий перформанс устраивает, значит, что-то такое у него в голове их всех объединяет.

– Но...

– Да говорила я с психиатрами! Только руками разводят. Стопроцентной гарантии нет, конечно, но почти наверняка среди тех, кто уже на учете, нашего гаврика нет. Говорят про манифестацию болезни. Ну это типа когда нормальный, нормальный, нормальный – ну, может, странный слегка – а после бум, и башня куку. Дедуля там один чудесный совершенно, он мне на пальцах объяснял, что да как. Про послание это, кстати, он мне сказал.

– В смысле все это – это нам послание? Поймите меня, если сможете?

– Не обязательно «поймите меня», И уж точно не «если сможете». Тут что-то другое.

– В каком духе?

– Кабы знать! Тогда и ниточка появилась бы! Как у этих профайлеры в сериалах – красота. Раз-два, ищем мужчину средних лет, водит спортивный автомобиль, недавно развелся. Ну или наоборот – должна быть пожилая одинокая озлобленная тетка. Но я-то, черт бы их побрал, ни разу не профайлер. Насчет автомобиля мысль здравая, только как его искать – все равно непонятно. А вот насчет озлобленности я бы по-

сомневалась. Он – ну или она, трудно сказать – не глумится над телами, даже как будто заботится. Понятно, что это для него своего рода куклы, но куклы не как квинтэссенция послушания, а скорее как символы и знаки. Ну как буквы, что ли. И секс тут вряд ли замешан. И контроль для него – не самоцель. Жертв своих он не мучает...

– Ничего себе не мучает! Смерть от жажды – одна из самых мучительных.

– Ну это, знаешь, как посмотреть. Это все-таки совсем не то, что как если бы от тебя заживо куски отрезали.

– Типун тебе на язык! Этого еще не хватало!

– Я о том, что вряд ли он получает удовольствие от самого процесса. Не знаю, почему он действует именно так, но, заметь, способ умерщвления намекает, что смерть – скорее цель, чем способ получить собственное извращенное удовольствие. Он не режет их, не жжет, не насилует, не ломает кости, не поливает кислотой...

– Бр-р, – опер демонстративно передернул плечами. – Прекрати.

– Ой-ой-ой, какие мы нежные. Как будто сам такого не видел никогда.

– То-то и оно, что видел. И чаще, чем хотелось бы. Эти-то девчонки все-таки... – он мотнул головой. – Нет, не то я говорю. Смерть есть смерть, неважно, каким способом.

– Кстати... Может, и способ умерщвления такой странный, что убить собственноручно он не то чтобы не может, но

– трудно ему. Психологически или физически.

– Ну и не убивал бы.

– Предположу, что ему не смерть жертв нужна, а их мертвые тела.

– Гм. А говоришь – не профайлер. Вон как вживаешься, аж дрожь берет. Ну-ка, выдай еще что-нибудь эдакое... профайлерское.

– Иди ты! Сам можешь выдать. Ну... Он аккуратный. Предусмотрительный. Организованный. Все просчитывает. Он ведь не молотком по голове их убивал. От обезвоживания человек умирает от трех дней до недели. Если помещение сырое, а жертва не двигается, то и дольше. То есть где-то он свои жертвы держит. Но при этом – ни следочка нам не оставляет. Так что с интеллектом там все в порядке. Киношные профайлеры из этого обычно делают вывод, что убийца старше тридцати, но я бы поостереглась. Интеллектуальное развитие – штука такая, индивидуальная.

– Хочешь сказать, ему может быть и пятнадцать?

– Нет, пятнадцать все-таки вряд ли, подростковые гормональные бури не очень с аккуратностью и педантичностью сочетаются. Зато восемнадцать-двадцать – почему нет?

– Слушай, ты говоришь – куклы. А ты задумывалась, почему он именно эти парки выбрал?

– Господи! Я даже к карте религиозных сооружений пыталась это привязать. Очень уж ритуально вся эта пакость выглядит. Но нет, никакой такой закономерности не наблюда-

ется. Мне почему-то кажется, что причина где-то на поверхности. Что-то бытовое. Может, по отсутствию камер наблюдения?

– Может, и так. Но! – Киреев поднял указательный палец. – Ты заметила, что все скамейки, на которые он трупы сажает, – одинаковые?

– То есть? Обычные парковые скамейки, две гнутых боковины плюс сиденье и спинка. Везде такие. Или... не везде?

Киреев уже пролез за ее спину, подвигал мышкой, потыкал в клавиатуру:

– Наблюдательная ты наша. Вуаля. Вот тебе парковые скамейки Санкт-Петербурга, любуйся.

Фотографий всезнающий гугл вывалил щедро. Изображенные на них скамейки и впрямь были разные. Даже если исключить те, что «работали» артобъектами, и те, у которых не было спинок, все равно: вариантов конструкции имелось десятка два.

А вот три, выбранные в качестве пьедесталов для мертвых тел совпадали до деталей: гнутые темные боковины, широкая доска – сиденье, и пять горизонтальных брусьев – спинка.

– Ну надо же. Не задумывалась. Надо посмотреть, может, у них производитель один? Кто-то же их делает? Ну или кто-то же первоначальный эскиз рисует? Это можно выяснить?

– Да можно, почему нет. Займусь. Думаешь, это имеет значение?

– Вообще-то это была твоя идея. Но чем черт не шутит. Может, это та самая ниточка, за которую удастся потянуть. Две одинаковые скамейки – несерьезно, а вот три...

– Кстати, о разных районах, – задумчиво проговорил Киреев. – Почему дело в город не забрали? По идее, должны были уже спецгруппу организовать, а ты все в одиночку ковыряешься. Чего так?

Арина пожала плечами:

– Черт их знает.

– Аппаратные игры? – предположил Киреев.

– Скорее всего. Такое дело должна была уже бригада следователей вести. Чайник, небось, постарался.

– Ему-то зачем эта головная боль?

– Для карьеры, для чего ж еще. Когда мы этот клубок распутаем, представляешь, какие ему лавры достанутся?

– Когда? Или если?

– Очень надеюсь, что когда. Иначе как работать? Так что считай, нам просто так повезло. Ну или не повезло. Что первый труп на нашей территории оказался. Такто его охотничьи угодья, получается, весь город. Внешность? Жертвы все стройные, невысокие – но это может быть критерием, а может и не быть. Не понимаю, как он их выбирает? Почему именно этих?

– Он? Или, может быть, и она?

– Да может, конечно. Но мне кажется, что все-таки он. Трудно представить, что такое могла бы сотворить женщина.

– Я тебя умоляю! Бабы такое творят, что мужику даже в кошмаре не пригрезится. Немногие, это да, но уж если у бабы крышу сорвет, она такой ужасный ужас выдумает, никакой Чикатило и Джек Потрошитель ей в подметки не пригодятся.

– Да я не про жестокость. Сам подумай. Это же физически тяжело, трупы таскать. Может, кстати, именно поэтому все жертвы худенькие и невысокие. Но даже пятьдесят кило – это ничего себе груз. Я за себя даже и не скажу: подниму или нет.

– На машине?

– В машину труп сам не запрыгнет. И в парки машина не въезжала. Возле скамеек нет автомобильных следов. Только самые обычные.

– Ну да, точно не баба. Хотя... бабы тоже всякие бывают, некоторые и Шварценеггеру дадут прикурить. В наш зал одна такая ходит. С тебя ростом, ну... чуть повыше, но такая же худая, а жмет два своих веса без напряжения. Слушай, а может, их двое было?

– С таким модусом операнди? Это ж тебе не случайное убийство в результате, как в протоколах пишут, «личной неприязни, возникшей на почве совместного распития спиртных напитков». Там труп могут и трое вытаскивать, да хоть четверо. А тут... Как гласит великий мультик, это только гриппом все вместе болеют, а с ума каждый по отдельности сходит.

– Может, один псих, а другой ему помогает...

– Почему?

– Из страха, из любви, из-за денег... Мало ли...

* * *

Где-то на столе тренькнул Аринин мобильный. Она принялась раскапывать бумажные завалы, задела карандашный стакан, тот покачнулся, опрокинулся, покатился к краю стола.

Киреев ловко подхватил беглеца, водрузил на место, а второй рукой одновременно выудил из-под бумаг телефон: – Держи.

Эсэмэска была от Виталика. Коротенькая, три вопросительных знака – и все. Ах ты ж, черт! Вечер уже!

Раньше муж регулярно забирал ее с работы, но в последнее время это случалось все реже и реже. Сама виновата, нечего до ночи тут торчать! Надо было хотя бы позвонить! А сейчас – немедленно, немедленно!

– Солнышко, – жалобно затараторила Арина, когда в теплом пластмассовом тельце прозвучало такое родное, чуть хрипловатое «алло». – Прости, я заработалась совсем, часов не наблюдаю. Счастья, впрочем, тоже. Ты уже дома?

– А ты как думала? – буркнул он несколько недовольно, но тут же смягчился. – Хочешь, чтобы я приехал за тобой?

– Да ладно, доберусь, не маленькая, чего тебе дергаться. Отдыхай.

– Собирай тут все и пошли, – скомандовал Киреев, когда она, вздохнув, сунула телефон в карман и растерянно оглядела заваленный бумагами стол.

– Куда?

– Куда-куда, на кудыкину гору! Бумаги в сейф сунь, прямо кучей, я видел, у тебя снизу пусто, завтра разберешь. А тебя – домой. Отвезу.

– Кир, ну что ты! – Арина смутилась, хотя забота была приятна. – Сама доберусь, не инвалид.

– А я, может, еще не все вопросы прояснил. Вот по дороге и поговорим.

Когда они уже устроились в машине, Кир, мягко тронув с места, спросил как ни в чем не бывало, словно и не было этой вынужденной паузы в разговоре:

– Про аккуратность и организованность – абсолютно согласен. Про отсутствие напарника – пока не понял. Но ты мне скажи, как вообще профайлеры эти самые портреты составляют?

– Да в основном на базе статистических данных. Но меня, если честно, статистические предположения никогда серьезно не впечатляли. Про тех серийников, у которых в подкорке сексуальные мотивы сидят, там еще что-то с чем-то стыкуется. Ну то есть, когда мотивы убийств эмоциональные, точнее, чувственные. Когда злодей от убийства ловит кайф. Причем кайф этот сродни сексуальному. Сильно сродни, только с обычным сексом у персонажа что-то не так, что-

то не получается.

– Импотенты, что ли?

– Да всяко бывает. Если импотенция, то убийство заменяет половой акт, если нет, становится его кульминацией, причем и собственно секс завязывается на насилие, не обязательно физическое, бывает и психологическое. Ой, это длинная тема, там не столько физиология, сколько внутренняя жажда контроля. Но у таких убийц действительно просматриваются кое-какие закономерности: высока вероятность, что рос злодей в неполной семье, при авторитарной матери, в детстве мочился в постель, а после любил что-нибудь поджигать и крылышки бабочкам отрывать. А если злодей – невыявленный шизофреник, который внешне нормальный, но у него в голове голоса живут, которые велют убивать, что тогда?

– Тогда это совсем другая статистика.

– Вот-вот. И это, похоже, наш случай.

– Но почему он нигде на учете не числится?

– Если речь о шизофрении – а это тоже не факт, там много чего может быть – то манифестация обычно наступает где-то в двадцать, двадцать пять лет.

– То есть наш тип просто еще слишком молод, чтобы успеть попасть в поле зрения психиатров?

– Есть такая вероятность.

– То есть ты пытаешься понять, что у него в голове?

– Что ж делать, если материальных улик кот наплакал.

Но, скажу честно, не очень у меня получается. Как вжиться в голову, где все наперекосяк, включая логику, если в твоей собственной голове прочно живет здравый смысл, усугубленный к тому же профессиональным опытом. Очень трудно притвориться, что их нет.

Некоторое время они молчали.

Где-то там, думала Арина, на одной из этих улиц, за мирным на первый взгляд фасадом, Имитатор удерживает свою очередную жертву. Подходящих заявлений о пропаже, правда, пока нет, но то-то и оно, что пока. Отсутствие заявлений не значит, что ни одна девушка больше не пропала. И даже если так – значит, сейчас он выслеживает очередную жертву.

Но в салоне «тойоты» было так спокойно, так не хотелось думать ни о каких ужасах...

Арина отстраненно глядела в окно, за которым неслись фонари, витрины, окна домов, другие машины. Почему-то эта череда огней напоминала симфонический концерт. Фоновая темнота – это тишина в зале. Когда музыканты играют, никакой тишины, конечно, нет, но она тем не менее присутствует. И на ее фоне – сложный, многослойный звуковой узор. Или световой. Расставленные через равные промежутки фонари – это ритмические басы. Многочисленные разноцветные окна, плетущие свою мелодию – группа струнных. Проносящиеся мимо фары и габаритные огни – духовые, от фаготов до флейт. Забавно. Музыка ее учили давным-давно, а знания не просто остались, но еще и активно участву-

ют в ассоциативном ряду. Городские огни – симфонический концерт, надо же до такого додуматься. Витрины... А вот черт его знает, чему в этой схеме соответствуют витрины...

Прямо перед носом машины через дорогу метнулся скелет – очень яркий в сгустившихся сумерках, сияюще-белый, даже чуть зеленоватый.

Головы – в смысле черепа – у скелета не наблюдалось.

– Ч-чтоб тебя! – Кир ударил по тормозам, двинул руль.

Скелет, благополучно ускользнувший от несшейся прямо на него машины, метнулся в ограждавшие дорогу кусты. Не то акация, не то боярышник, в темноте Арина не могла разобрать.

– Ну ты у меня дошутишься! – опер выскочил наружу в тот же самый момент, как машина, недовольно взвизгнув, притерлась к поребрику.

– Кир, ты чего? – робко поинтересовалась Арина. Она-то подумала, что бегающий по дороге скелет причудился ей в полудреме. Если городские огни – симфонический оркестр, почему бы ему не играть рахманиновский «Остров мертвых»? И дирижер в виде сияющего скелета – очень в тему. Но если Киреев затормозил, да еще так резко, и ринулся наружу – значит, скелет настоящий.

Она выглянула из машины: возле кустов возилось что-то темное, большое.

Осторожно вылезла из машины, сделала в ту сторону шаг, другой...

– Куда выскочила? – остановил ее Киреевский возглас. – А впрочем... Иди, полюбуйся. Красавец, а?

У «скелета» имелось лицо – простоватое и, как показалось Арине, очень молодое. Парень растерянно моргал, щурился – Киреев развернул его к свету фар.

В скорченном состоянии «скелет» превратился в невнятную мешанину светящихся полос и пятен. Киреев несильно шлепнул по взъерошенной макушке какой-то темной тряпкой:

– Балаклаву нацепил! Всадник без головы, чтоб его!

– Ладно тебе, Кир, ничего же не случилось. Мальчишка, дурак, мозгов нет, а развлечься хочется, вот и придумал шутку, решил, что это смешно. Может, в кустах еще кто-то сидит, для ютуба ролик снимает.

– Если и был, то уже сбежал. Смешно им! Ты представь чувства водителя, когда перед капотом не просто шальной пешеход, а такое вот явление возникает. А если за рулем пожилой человек? Он же может в одночасье на небеса отправиться. Значит, так, – он тряхнул «скелета» за шкурку. – Пока кто-то от твоих шалостей инфаркт заработает или в столб врежется, я ждать не буду. Я сам из убойного, но у меня знакомых навалом, и участковых, и патрульных, и прочих. Еще раз увижу или пожалуется кто – злостное хулиганство тебе обеспечено. Обещаю. То есть не на пятнадцать и не на тридцать суток тебя закроют, а по-настоящему. Понятно тебе?

«Скелет» кивнул.

– Давай снимай это свое... барахло, – распорядился опер.
– Так я ж... – попытался возразить незадачливый шутник.
– Ничего-ничего, если голый останешься, дам тебе тряпochку замотаться.

Поводя плечами, «скелет» принялся сдирать с себя эластичный черный комбинезон с намалеванными светящейся краской костями. Под ним оказались плотные трикотажные шорты вроде тех, в которых бегают прыгают легкоатлеты, и такая же майка.

– Вот и умница, – хмыкнул Киреев, когда устрашающее облачение превратилось в кучку тряпья у его ног. – Можешь валить на все четыре. Но смотри, я твой портрет срисовал, если... – он погрозил пальцем в удаляющуюся спину, сгреб разрисованное тряпье в багажник, кивнул Арине. – Поехали. Шутники, чтоб их!

* * *

Превратив «скелет» в обычного, хоть и скудно одетого парня, следовательша и ее спутник сели в машину и уехали.

Не заметили!

Старенький грязно-белый фургончик тихонько тронулся, свернул во двор, проехал поглубже и снова остановился.

Из зеркала заднего вида сурово глядели глаза матери. Во взгляде читалось: что за безответственность, тебя на минуту без присмотра оставить нельзя! Ведь все, все могло рух-

нуть! Мало тебе, что твоя неуверенность, твои сомнения – любимая пища невезучести – твои страхи довели до полного, полного краха?! Теперь, когда нужно еще сильнее сконцентрироваться, ты опять вольничаешь?

Из-под надвинутой на лоб бейсболки струился пот. Мать была права. Зачем, ну зачем нужно было устраивать эту слежку? Никакого в этом смысла не было. Просто вдруг захотелось увидеть, где обитает эта самая Арина Вершина. Хотя никакой роли она в происходящем не играет! И не будет играть! По понятным причинам. Ни-ка-кой! Будь она умницей-разумницей или безмозглой куклой, тупо исполняющей служебные инструкции – не имеет значения!

Она никто. Эпизодический персонаж. Как тот кретин, что переодевался скелетом. Глупее и выдумать нельзя. По крайней мере, если смотреть со стороны.

Все, что непонятно, выглядит глупым. Или скорее бессмысленным. Глупое не может выглядеть угрожающим, а бессмысленное – может. Но и это не имеет значения. Значение имеет только общая картина. Чтобы она была идеальной, необходимо действовать точно по намеченному плану.

И не отступать от него, не соблазняться наблюдением за следовательшей.

И так из-за выскочившей непонятно откуда журналистки пришлось менять план буквально в последний момент. Если бы в то утро на глаза не попалась эта газетенка, все, все было бы по-другому.

Но – заголовок «Смерть играет в куклы» бросился в глаза, заставил посмотреть внимательнее. Возле невнятной фотографии, на которой только и можно было разглядеть, что слишком длинный нос, толстые, как гусеницы, брови да нелепый, завязанный почти над ухом, «конский хвост», стояло имя написавшей статью журналистки. Регина Андросян.

Да. Это было правильно.

В реальности, кстати, она совсем не похожа была на армянку. И нос оказался не такой внушительный, и брови обычные. Глаза и волосы темные, а в остальном – девушка как девушка. Плечи, правда, широковаты, но сама худенькая, так что общее впечатление было вполне удовлетворительное.

И мать не возражала.

Да, план пришлось менять срочно. Но оно того стоило.

* * *

– О! – раздался радостный возглас из глубин темноватой, типично питерской квартиры: вокруг кривоватого коридора, как листья на ветке, кучковались полторы комнаты, кухня, кладовка и прочие «удобства». Желтая от древности ванна, туалет с чугунным бачком, из которого свисала черная от старости цепочка с фаянсовой «грушей» на конце, – удивительно, но весь этот антиквариат работал вполне прилично. Равно как и холодильник «Север». Арина с удовольстви-

ем поставила бы вместо этого раритета какой-нибудь приличный агрегат с нормального размера морозилкой, но квартирная хозяйка почему-то панически боялась современной бытовой техники, даже электрические чайники приводили ее в ужас. А ведь казалось бы. Но морозил «Север» исправно, и Арина предпочитала не заводить конфликт на ровном месте. Не вечно же они с Виталиком на съемной квартире будут мыкаться, пока можно и потерпеть. Главное, они вместе, остальное, включая неудобного начальника, сущие пустяки!

– Ариш! – любимый супруг явился в прихожей, потягиваясь и поводя плечами, должно быть, за компьютером сидел, ее дожидаясь. – Наконец-то! У тебя тут ненаглядный мужчина с голоду погибает. Вот помру, что делать станешь?

– Разделаю и котлет накручу, – буркнула Арина. – На полгода хватит.

Шуточка вышла так себе, грубоватая, но на интеллектуальные изыски сил не было.

Сбросив кроссовки, Арина прошагала на кухню. Нет, она не станет ворчать «мог бы сам разогреть», ни за что! Вытянула из холодильника кастрюлю с рассольником, пластиковую коробку с остатками вчерашней лазаньи – Виталик недовольно сморщился, она не видела, он стоял за спиной, но как будто видела, вот как хорошо она его знала. Ну что ж теперь! Да, у нее не хватает времени, чтобы готовить каждый день что-то свежее, приходится разогревать. Да, ей и самой от этого неловко, стыдно, нехорошо – но что ж поделать-то!

Покупных полуфабрикатов воспитанный заботливой мамой супруг, разумеется, не признавал. Да Арина и сама могла бы этих самых полуфабрикатов впрок наготовить: и тех же котлет, и голубцов, и пельменей, и ее фирменных рулетиков с паприкой – а толку? В крошечную морозилку «Севера» лишний кусок мяса или, к примеру, «запасную» скумбрию (из нее такая чудесная запеканка получается, и возиться почти не нужно) не втиснешь. Вот почему так получается? За одно воскресенье можно накрутить заготовок на месяц вперед, да еще и пирогов напечь. А если то же самое готовить каждый вечер – в сто раз больше времени нужно. Если в сумме. Загадка, право.

Плита была газовая, старая, никаких тебе автоподжигов. Пьезозажигалка то включала конфорку с первого щелчка, то упрямылась – когда поднималась влажность. А поскольку Питер, при всех своих достоинствах, город довольно сырой, зажигалка отказывала чаще, чем срабатывала. Арина чиркнула спичкой, зажгла сразу три конфорки – для супа, для лазаньи (подумав мельком, что уж микроволновку-то все-таки надо купить, можно ее от хозяйки прятать, а если заметит, пусть застрелится с горя) и, главное, для чайника.

Уставив плиту элементами будущего ужина, Арина поморщилась – откуда-то несло кислятиной и как будто рыбой. Откуда рыба-то?

Откуда-откуда, из мусорного ведра! Она заглянула в пакет – так и есть: пивная бутылка и ошметки воблы. Нет-нет,

Арина нисколько не возражала против того, чтобы муж расслабился после трудового дня. Что такое бутылка пива? Да хоть две! И ошметки от воблы он же не оставляет, как некоторые, «на месте преступления» (то есть потребления), все за собой убирает. Вот только и пивная бутылка, и бранные рыбы останки... воняют.

Виталик остановил ее у двери:

– Да брось ты его, я завтра захвачу, выброшу по дороге на работу. Ну куда ты на ночь глядя?!

Двор возле их квартиры был темноват, мусорные ящики – тут их называли странным словом «пухто» – располагались в самой его глубине. Соседка однажды объяснила, что странное слово – всего лишь аббревиатура: пункт утилизации хозяйственных твердых отходов. Арина это тогда очень развеяселило. Ведь раз «пункт», там должен сидеть серьезный приемщик – ну как в пункте приема стеклотары, разве нет? Никаких приемщиков при питерских «пунктах», разумеется, не водилось, а вот разные странные личности вокруг мусорки – да, встречались. Арина, впрочем, это никогда не пугало: чего бояться-то, в Питере даже бомжи вежливые. Как-то раз она наткнулась на парочку неаппетитного вида персонажей, увлеченно мутузивших друг друга прямо посреди узенькой дорожки – не обойдешь. Драчуны, однако, заметив ее, расцепились, посторонились, давая дорогу, и уже за ее спиной продолжили свои занятия. Если даже во время драки тутошний контингент такой мирный, чего бояться-то? А даже ес-

ли вдруг... можно ведь мусорным ведром по башке стукнуть и сбежать. Ну то есть не ведром, а набитым пакетом. Но пакетом еще даже и лучше! Эффективнее. Обратно же, с пустыми руками, и вовсе не страшно, можно сразу убежать, она так бежит, что ни одна сомнительная личность за ней не угонится.

Слово Арине тоже нравилось, смешное такое. В его сопровождении даже такая скучная процедура как вынос мусора становилась почти веселой: идешь и пыхтишь шепотом «пухто-пухто-пухто», прямо Винни Пух. В общем, поход к пухто – пухто-пухто-пухто... уф! – не вызывал у нее ни страха, ни брезгливости. Виталик же настойчиво твердил, что это опасно: мол, нечего по темным закоулкам бродить, сам схожу. Вроде радоваться надо – вот какой у меня муж заботливый! – но, вот беда, при всей заботливости, он никогда не хватался за мусор по собственной инициативе. Если же Арина, печально поглядев на переполненное ведро, шла выносить его сама, страшно сердился. Что это, дескать, за демонстрации, сказала бы, я бы вынес, если не помещается, возьми новый пакет, а полный можно у двери поставить и с собой захватить... А ведь Арина вовсе не стремилась чего-то там «демонстрировать». Просто мусор – такая штука, которая, гм, пахнет. Как ты этот чертов пакет не завязывай. Утром захватить, как же! По утрам Виталик вылетал из квартиры всегда в последний момент, бурча «опять опаздываю», так что делать крюк до пухто ему было элементар-

но некогда. Мог и просто не заметить приваленный к двери мешок... А после опять сердился: почему не напонила?

Арина и сама не очень понимала, почему ей так трудно «сказать» или «напомнить». Потому, должно быть, что, «напоминая», она чувствовала себя неуютно, словно просила об одолжении. В конце концов, если человек не видит очевидного – хотя бы и мусора – значит, ему не до того? Значит, не стоит его отвлекать пустяками? А если потом сердится, значит, заметил, что мусор таки был? И значит, просто не хотел? Тогда тем более – чего приставать с «напоминаниями»? Просить Арина не любила никогда. Что она, беспомощная, сама не справится?

Спору нет, приятно, когда о тебе заботятся и что-то такое для тебя делают. Но если ты об этом просила, вся приятность почему-то куда-то улетучивается. Какая ж это забота, если о ней просить приходится?

Но, говорят, это такая специфическая особенность мужской психологии – прямолинейность то есть. Может, так, а может, и нет, за годы следственной работы Арина, сталкиваясь с самыми разнообразными персонажами, убедилась, что никакой такой специфически мужской психологии в природе не существует. Равно как и женской, кстати.

Ну если Витальке так противно выносить мусор (раз все время забывает, значит, неприятно), чего огород городить? Арине вовсе не трудно сбегать с мешком до пухто. Почему Витальку это так злит?

Она еще и разуться не успела, как он процедил – саркастически, почти зло:

– Теперь нагулялась? Или еще побежишь?

Это было так дико, что Арина опустилась на пол прямо там, где стояла. Привалилась к поцарапанной двери, нахмурилась, пытаясь понять: что это с Виталькой такое? Но мысли, вместо того чтоб образовать желанный ответ, лишь вяло кружились внутри черепа, тыкались в лобную кость, как слепые рыбы. словно вся накопленная за день усталость вдруг навалилась: ни думать, ни действовать, ни даже дышать...

– Виталь, сделай чаю? – попросила она, глядя снизу вверх.

Он вздрогнул, уставился на Арину изумленно – словно она не чаю попросила сделать, а, к примеру, тройное сальто. Ну и ладно! Она сложила руки на поднятые коленки, уткнулась в них лбом... Вот так хорошо...

Кружка с чаем – темным, красноватым, упоительно пахнущим – ткнулась в ладони минуты через две.

Виталик сел рядом на пол.

– Ариш, я тебя обидел? Прости, а? Ну сорвалось.

– Да ничего.

– Ты тоже пойми. Я ж тебя ждал, в окно увидел, как ты из машины вылезает. И не такси это было! А потом еще мешок этот мусорный, будь он неладен! Как будто ты специально на улицу побежала!

– Что-о? Виталь, ты в себе?

– Не очень. Кто тебя провожал?

– Один из оперов подвез.

– Красавец! – сказал Виталик с непонятной интонацией. – Косая сажень в плечах и две извилины в мозгу. Ариш, я ничего плохого не думаю. Но я же мужчина, ты тоже пойми! Оно само думается. И иногда выплескивается. Не потому что я тебе не верю, а... вот правда само. Рефлекс. Да, понятно, что надо держать себя в руках, но... это как аллергия. Если у человека сенная лихорадка, он может сколько угодно стараться «держать себя в руках», но все равно будет чихать. Не обижайся, а?

– Да я не обиделась. Удивилась только.

– Уйти бы тебе со следствия, – неожиданно сказал любимый муж. – Будешь молодым преуспевающим адвокатом...

– Адвокатом? Я?

– Ну конечно! Ну какой ты следователь? Они все страшные старые тетки! Ты хочешь в такую же превратиться? И ради чего? Ради мифической борьбы за мировую справедливость? Которая проиграна еще до того, как начаться. Ну какой смысл в том, что ты вынуждена день за днем копать в грязи?

– Виталь, это моя работа.

– Работа! – он произнес это с таким пренебрежением, что Арина аж головой встряхнула: не может быть, показалось. Продолжал Виталик уже без всякого пренебрежения (точно – показалось!), мягко, почти нежно, так ребенка уговаривают потерпеть щиплющие горчичники еще пять минут. –

Ты же сама все отлично понимаешь, ты же умница. С самого начала это было бесперспективно, а сейчас...

– Бесперспективняк... – задумчиво проговорила Арина и повторила уже чуть быстрее. – Бесперспективняк. Бесперспективняк...

В универе они называли это слово алкотестером: если в крови хоть минимальный градус присутствует, ни за что не выговоришь. Отличная скороговорка, хоть и одно слово всего.

Когда-то...

* * *

Терзаясь угрызениями совести, Арина заснула куда позже полуночи. С утра голова была тяжелая, глаза саднило, а о том, что показывало зеркало, лучше было и не задумываться.

Виталик молча довез ее до следственного комитета и так же молча уехал. В другой момент Арина нашла бы способ переломить ситуацию, но сейчас сил что-то выдумывать не было. Да и не хотелось, если совсем честно. Это не она должна извиняться и наводить мосты, а он! За свою дурацкую ревность и еще больше – за наезд на ее, Аринину работу. Ревность – пустяк, само разрулится, а вот слышать, что ее работа никому не нужна – это было действительно обидно. Ладно бы кто, но Виталик! Самый близкий человек! Не нравится ему, видите ли, что мне с операми приходится рабо-

тать. Подумаешь! Может, он еще и к Чайнику ревновать начнет? Тот, хоть и дурак на всю голову, зато вон какой красавец, как из модельного агентства! Или, если дело в самом принципе, к тому же Пилипенко? Нет, Киреев, конечно, тоже красавец, ну и что?

Красавец – легок на помине! – подпирал дверь ее кабинета. Завидев в конце коридора Арину, он усмехнулся, поковырялся в замке и приглашающе махнул рукой: заходи, мол. Как будто это был его, а не ее кабинет!

– Ты что себе позволяешь! – она едва не задохнулась от возмущения. Казалось бы, давным-давно привыкла к специфическому оперскому чувству юмора, в другой раз даже посмеялась бы над забавной, в сущности, сценкой. Но не сегодня.

– Я ж без тебя не стал входить, какие претензии?

Действительно, подумала Арина, он же не вламывался, на что сердиться.

– И как ты ее открыл? – уже почти спокойно поинтересовалась она. – У тебя что, ключ имеется? От моего кабинета? Интересно, откуда бы?

– Зачем мне ключ? – добродушно ухмыльнулся тот. – Опер я или где? Замки-то у вас – тьфу.

– Чего ж тогда сразу не вошел, а меня дожидался?

– Вежливый потому что.

И добавил как ни в чем не бывало:

– Так чего, поехали?

– Куда еще?

– Со свидетелями беседовать. Ты ж сама хотела их опросить. Хозяйку цветочного магазина, банковских служащих, владельца кафе «Салют».

– Кафе «Салют»? – непонимающе переспросила Арина. – Какое еще... Ах ты, черт! Третью опознали?

– Угу. Ольга Тимохина, официантка кафе «Салют», тоже приезжая, как и первая, только не из солнечной Прибалтики, а из не менее солнечной Псковской губернии.

– Ольга Тимохина... – задумчиво повторила Арина. – Ну хоть так. Я уж, грешным делом, какую-нибудь Карамболину ожидала. А то Фанни, Доменика, да еще и свидетельница первая Марионелла. Ладно, проехали, раз Ольга Тимохина, значит экзотические имена ни при чем. Кир, ты молодец!

– Я-то молодец, только мы едем куда-нибудь или что?

– Ки-ир, миленький! Сейчас поедem, мне бы кофе сперва... Я...

– С Виталиком поссорилась, ночь не спала...

– Откуда ты...

– Не надо опером быть, достаточно на тебя поглядеть. Пойдем, пойдем, кофе в машине выпьешь. Кружку только прихвати.

Сверкающий стеклом и сталью кофейный автомат появился в углу за «аквариумом» дежурных в самый разгар проводимых Чайником «реформ». Все понимали, что какая-то фирма с новым начальником соответствующим обра-

зом «договорилась», но никто не возражал, жалоб в «собственную безопасность» на расцветающую в комитете «коррупцию» не писал. Кофе в комитете потреблялся декалитрами, а чудо-машину регулировали честно, не как некоторые, где ради «экономии» (а на самом деле ради дополнительной выгоды) порцию кофейного порошка уменьшали до микроскопической. Так что машинный эспрессо был всяко лучше, чем растворимые или заваренные «по-офицерски» (прямо в кружке) «персональные» помои, и обходился, если посчитать, не намного дороже.

Тощие пластиковые стаканчики обжигали пальцы, так что машинный продукт тут же старались перелить в собственную тару. Киреевские коллеги даже термосы тут наполняли, а это о чем-то да говорило. О качестве этого самого продукта то есть.

В Аринину кружку помещалось три автоматных стаканчика. Усевшись в машину, Арина немного подышала вкусным кофейным паром, как будто запах мог отогнать ненужные эмоции, прояснить мозги и, может, даже очистить душу или карму. Хотя не исключено, что действительно мог. Сделав первый глоток, она даже прижмурилась от удовольствия. Она читала, что команда несущегося на рифы парусника льет за борт какой-нибудь жир – и волны стихают, позволяя проскочить опасное место. И ее внутренний раздрай с каждым глотком утихомиривался, уступая место если не покою, то по крайней мере сосредоточенности.

Значит, можно работать.

– В каком порядке едем? – деловито спросил Киреев.

– В хронологическом, наверное, То есть, в порядке...

– Да понял, понял. Двигаемся следом за нашим Красильщиком. Сперва цветочница, потом банкирша, потом официантка.

– Кир, и ты туда же?

– Ты о чем?

– Красильщик! Почему тогда не Маляр? Или не Парикмахер? Вон какие прически изобретает! Уж если давать ему прозвище, то хотя бы не так тупо.

– А как его еще назвать? Чтоб не тупо.

Арина пожалала плечами.

– Для меня он Имитатор.

– Имитатор?

– Все эти трупы на скамейках, дикie прически, черная краска – это же явно отражение какой-то картины, которая в его мозгу живет. Имитация.

– И что он имитирует?

– Вот когда я пойму, что же он имитирует...

– Тогда мы его и поймаем?

– Хотя бы вычислим.

– Звучит неплохо. Вылезай, приехали.

Хозяйка цветочного салона «Флоренция» Анна Генриховна Бер приходилась первой жертве троюродной теткой.

— Или даже четвероюродной? — задумчиво проговорила она. — Ее отец был моим троюродным кузеном. Седьмая вода на киселе. Собственно, мы с ним были едва знакомы. А с матерью Фанни я и вовсе не виделась никогда в жизни, они познакомились, когда я уже сюда уехала.

Арина переглянулась с Киреевым. Было что-то в этом дальнем родстве такое, о чем сухопарая, ухоженная, моложавая Анна Генриховна умалчивала. Об этом говорила и легкая заминка на «ее отец... был», и быстрое, словно дама приняла какое-то решение, «едва знакомы». Лукавила Анна Генриховна. Очень похоже, что с отцом Фанни ее когда-то связывало куда больше, чем дальнее, едва заметное родство. Сперва связывало, а после, должно быть, перестало связывать. И отправилась юная Анна в Питер — строить новую жизнь. Отличное лекарство для разбитого сердца.

Впрочем, к нынешним событиям все эти прошлые страсти-мордасти, разумеется, не имели никакого отношения.

— То есть на работу вы ее взяли не потому что она была вашей родственницей?

— Это никак не повлияло на мое решение. Нас ничего не связывало. Но Фанни была неглупая, воспитанная, акку-

ратная, ответственная и, главное, способная. Я имею в виду составление композиций.

– Значит, конфликтов у вас не было?

– Какие конфликты? Если бы она плохо работала, я бы ее просто уволила. Я, собственно, и собиралась, когда обнаружила, что она прогуливает. А оказалось...

– Вы просто решили, что девушка, которую вы сами называли ответственной, вдруг начала прогуливать? Не забеспокоились, не подумали, что с ней что-то случилось?

– Меня вообще в городе не было. Когда по возвращении услышала от Наташи, что Фанни... отсутствует, велела ее найти. Наташа!

Девушка в бледно-зеленом форменном халатике, на кармашке которого значилось «Наташа», раскладывая за уговым столом что-то лиловое и пушистое, повернулась к ним:

– У Фанни телефон не отвечал. И дома ее не было. Она квартиру с девочками снимала, но они... В общем, получалось, что она с работы не вернулась. А на следующий день уже не вышла.

– И соседки ее не беспокоились?

– Они решили, что она бойфренда завела. Позавчера мне звонили, нет ли у меня кого на примете, ну на квартиру, им вдвоем дорого получается. Им, по-моему, все равно. А я, когда Анна Генриховна вернулась... я подумала, что... то есть мне как-то страшно стало, и я... в полицию пошла, – девуш-

ка бросила взгляд на хозяйку, по лицу которой пробежала легкая тень недовольства. – Меня сперва слушать не хотели, а потом дали посмотреть... ну... фотографии такие... неопознанные трупы.

– И вы узнали Фанни.

– Да.

– В последний день или в последние дни перед ее исчезновением ничего необычного в ее поведении не было? Может, она выглядела расстроенной или наоборот радостной? Рассказывала о чем-то? О каком-нибудь новом знакомом?

Наташа помотала головой:

– Я уже думала. Совсем ничего такого. И не рассказывала ничего, она вообще молчунья... была.

– Если что-то вспомните, позвоните? – Арина и Киреев синхронно выложили на прилавок по две визитки: для Наташи и для хозяйки салона.

– Анна Генриховна, последний вопрос. Камеры слежения у вас есть?

Та покачала головой:

– Спросите в «Шестом колесе», у них вроде есть.

«Шестым колесом» назывался примыкавший к «Флоренции» магазин автозапчастей. Киреев моментально наладил контакт с его директором:

– Есть, есть записи, – признал тот. – Смотрите что нужно, только поймите этого урода!

– Откуда вы...

– Да мне Наташка сразу сказала, у нее с Лехой, – он мотнул головой в сторону одного из продавцов, – типа шуры-муры. А я чего, пусть любят, мне не жалко. И записи смотрите. Лех, дай ребятам кино поглядеть!

– Вы не подумайте, что я не в свое дело лезу, – сообщил коренастый коротко стриженный Леха. – Я уже смотрел, ну, когда Наташка сказала, что...

– И чего? – перебил его Киреев. – Есть там что?

– По-моему, есть.

– Ну показывай.

– Вот. Это тот день, когда Фанни последний раз в салоне была. Вот они с Наташкой выходят, видите, Наташка звонит, это она на охрану объект сдает. Хозяйки тогда не было, поэтому Наташке приходилось все закрывать. И потом она сюда сразу. А Фанни...

Рыженькая кудрявая Наташа, помахав подруге, пошла прямо на камеру. Фанни, перебросив на грудь светлую косу, двинулась в прямо противоположную сторону. Постояла перед светофором, перешла дорогу... Камера в «Шестом колесе» была хорошая, а пестрый сарафан помогал не терять девушку из виду.

– Вот! – Леха вдруг остановил «кино». – Смотрите!

– Девушка к ней какая-то обратилась, вы про это? – уточнила Арина.

– Да-да. Вот, – он снял запись с паузы. – Они недолго разговаривают, видите, меньше минуты, Фанни ей что-то рукой

показывает, и та с ней вместе идет.

Фанни и неизвестная девушка прошли несколько метров, потом их скрыли припаркованный у обочины грязно-белый фургон и стоящая за ним фура.

– Больше ничего не будет, – вздохнул Леха. – Можете сами смотреть.

– Скинь все это на флешку? – попросил Киреев. – И неделю до того.

* * *

Доехав до отделения банка «Гарант-Инвест», где работала Доменика Смирнова, Киреев оставил Арину опрашивать коллег девушки, а сам отправился, как он выразился, обаять начальника службы безопасности.

Девушки-операционистки, которых известие о страшной судьбе коллеги привело в состояние почти истерическое, ахали, ужасались, жаждали принести пользу, но толку от них было немного. Доменика ничем, кроме имени, не выделялась. Веселая, но аккуратная, на работу не опаздывала, недавно развелась с мужем, в оставшейся от переехавшей в Финляндию матери квартире, которую бывший муж хотел поделить, но у него, разумеется, ничего не вышло. Про мать в Финляндии Арина выслушала с почти физическим облегчением: значит, ее можно не опрашивать. Это было самое тяжелое в ее работе – беседы с родственниками пострадав-

ших. Хотя, конечно, родственники всякие бывают.

Доменика была дружелюбной, уживчивой, со всеми ладила, но близких отношений ни с кем не поддерживала. И естественно, никому из коллег и в голову не пришло обращать внимание на то, куда она направляется после работы, не поджидает ли ее кто-то. К тому моменту, как вернулся Киреев, Арина почти пришла в отчаяние.

– Пошли записи смотреть.

Доменика, в отличие от Фанни, была темненькой, волосы по принятому в банке дресс-коду забирала в гладкий пучок. В высыпавшей на банковское крыльцо стайке девушек таких было еще две. Форменные пиджачки они все, видимо, оставляли на рабочих местах. После недолгого прощания девушки разошлись: трое в одну сторону, четверо в другую. Но, увы, все порознь, кто-то шел быстрее, кто-то медленнее, двое из четверых свернули в соседний магазин.

Доменика, сменившая банковский пиджачок на яркий этнический жилет, шла довольно быстро... пока...

Совсем недалеко от банка ее остановила худошавая русоволосая девушка, о чем-то спросила – Доменика чуть склонила голову набок, кивнула. Дальше они двинулись вместе.

Арина понимала, что Киреев видит то же, что и она, но все-таки спросила:

– Как по-твоему, это она же?

– Ну... миллион не поставлю, но в целом похоже. Волосы и рост такие же. Хотя в таком ракурсе черта с два разгля-

дишь. Может, это вообще парень. Джинсы, футболка, жилетка кожаная а ля ковбой. Ну волосы длинные, но это ж не показатель. Рост средний, так навскидку метр семьдесят пять, размер ноги тоже средний.

– Ты и размер ноги уже определил?

– Я его еще в «Шестом колесе» определил. Тут, кстати, обувь другая. Там были кроссовки, а тут мокасины. Но размер примерно тот же, думаю тридцать восьмой. Так что черт его знает, мальчик или девочка.

– Угу. И наши девушки с незнакомым парнем вот так за просто пошли?

– Ну с этой точки зрения, конечно, скорее девушка.

Доменика – в этническом своем жилете похожая на экзотический цветок – и неизвестная девушка в жилете а ля ковбой шли, словно беседуя о чем-то.

– Черт!

Из подворотни некстати выехал КамАЗ с рекламой ремонтной фирмы на борту, закрыв тех, за кем Арина и Кирев так пристально наблюдали. Когда грузовик вырулил наконец на дорогу, ни Доменики, ни второй девушки уже не было видно.

– Не все коту масленица, – с тяжким вздохом констатировал опер. – Как думаешь, она их случайным образом выцепляет или заранее выпасает?

– Все может быть, но по общей аккуратности и продуманности скорее второе. Потому что... Потому что смот-

ри. Из банка вышло семь девушек. Две полненькие, пятеро как раз во вкусе Имитатора, причем трое из них длинноволосые. Почему он выбрал именно Доменику?

– Потому что она шла одна?

– Все три длинноволосых худышки шли порознь.

– Ладно, возьму еще записи из операционного зала, ну за предыдущие дни, погляжу, может, наша русоволосая красавица на них засветилась. Ну и в кафе «Салют», глядишь, чего полезного найдем.

Кафе оказалось приткнувшимся к крошечному скверiku типовым павильоном: выложенное из бетонных блоков низкое основание, густо-синий сайдинг стен, рыжая «под черепицу» крыша, обведенные темно-красным окна до середины прикрыты белыми жалюзи. Простенько, но нарядно. Слева от кривоватых букв названия прилепился пучок перепутанных белых трубок, одна из которых подмигивала то тут, то там бледными цветными огоньками. Должно быть, вечером так сияла вся конструкция, изображала салют.

Слева и справа от приветливо распахнутой двери расположились два круглых белых столика с такими же пластиковыми стульями.

– И ни единой камеры, – удрученно констатировал Кирев. – Ни тут, ни вокруг. Ладно, ты как хочешь, а я рискну тутошнюю кухню продегустировать. Утромдохлый бутербродсжевал и все, в животе оркестр играет.

Остановить его Арина не успела. Да и зачем? Все равно

нужно с персоналом поговорить, так что пусть парень поест спокойно.

Он коротко переговорил о чем-то с курившим возле входа угрюмым охранником в мятом камуфляже, зашел на минуту внутрь и вернулся к Арине:

– Я тебе кофе попросил. Может, надо было чего посушественнее?

Она помотала головой.

– Может, эта, как ее, Оля Тимохина с кем-то из персонала дружила? Раз уж камер тут нет...

– Сейчас придет девушка, ты ее и расспросишь. Она с Тимохиной квартиру вскладчину снимала.

– Ки-ир! – восхищенно выдохнула Арина. – Тебя же не было пять минут, и все уже узнал?

Он хмыкнул – мол, какие пустяки – но Арина видела, что ее восторг ему приятен. Она сама была такая: млела, когда кто-то хвалил ее профессиональные качества, от наблюдательности на месте до умения внятно составить обвинительное заключение. Потому что когда хвалят глаза или, скажем, голос – это ведь природу, по сути дела, хвалят, отмечая ее, природы, дары. А рабочая похвала – она вся твоя, до капельки. Значит, ты чего-то на этой земле стоишь, а не просто кислород в углекислый газ перерабатываешь.

Полненькая белокурая девушка принесла голодному оперу тарелку с изрядным куском жареной курицы и несколькими румяными картошинами, щедро политыми сметаной

и посыпанными зеленью.

– Присаживайтесь, – распорядился он, прежде чем при-
няться за еду. – Поговорить надо.

– Ой, что вы! – всполошилась официантка. – Нам нельзя
с посетителями!

– Господи ты боже мой! – Киреев с тоской поглядел
на благоухающую тарелку и ушел внутрь кафе.

Вернулся он минуты через три в сопровождении крупно-
го носатого брюнета в ослепительно белой рубаше с распах-
нутым воротом и подвернутыми рукавами.

– Все им скажи, что им нужно, – велел он растерянной де-
вушке. – Ляля хорошая была, надо, чтоб гада того наказали.
Если что-то еще понадобится, я у себя, – он адресовал оперу
короткий кивок.

– Спасибо, Рустем Зафарович, – Киреев прижал руку
к сердцу и тоже наклонил голову.

– Что ты ему сказал? – спросила Арина.

Опер пожал плечами:

– Правду. Ну... сперва-то он и слушать не хотел, я... Слу-
шай, Вершина, дай поесть голодному мужику, а? Какая тебе
разница, как я свидетелей уговариваю? Этого и уговаривать
почти не пришлось, нормальный мужик.

– Ой, – пискнула девушка. – Рустем Зафарович хороший!
И платит нормально, и... это... в кабинет к себе не таскает.
Ведь не откажешься, он же хозяин. А он нет, ничего такого,
он жену сюда привез, и две дочки у него, недавно младшей

тут день рождения отмечали, Руستم Зафарович всех за стол посадил!

– Понятно, – улыбнулась Арина. – Вас правда Элли зовут? – она кивнула на официанткин бейджик.

– Лиза. Елизавета. Но мне не нравится. Элли гораздо лучше. Ольгу тоже все Лялей звали, – она шмыгнула носом. – Вы правда ее убийцу найдете?

– Мы постараемся. Это вы в полицию обратились?

– Нет. К нам вчера Николай Степаныч заходил. Он в полиции работает, а у нас часто обедает, Руستم Зафарович ему даже скидку сделал как постоянному клиенту.

– Дежурный из местного отделения, вроде нашего Пилипенко, – шепнул Арине Киреев. – Но толковый, вишь, сообразил.

– И он спросил, куда Ляля делась, не домой ли уехала. А я говорю, не знаю, думаю, что домой. А он вроде как не поверил, фотографию мне показал... И это она! – девушка всхлипнула. – Мне придется в морг идти, да? Для опознания?

– Не реви, – буркнул из-за спины охранник, – в морг и я могу сходить. Но это точно Лялька, – он вздохнул.

– Спасибо, – Арина бросила ему благодарный взгляд. – Элли, я понимаю ваши чувства, но...

– Да, вы же должны его найти! Того, кто ее убил! Спрашивайте!

– В последние дни перед ее исчезновением ничего

необычного не замечали? Может, у нее настроение изменилось? Или клиент какой-нибудь навязчивый? Или познакомилась она с кем-то? Любая мелочь...

Элли-Лиза помотала головой и опять шмыгнула носом:

– Все обычно было. Длинный ей букет приносил, но он давно...

– Длинный? Кто такой Длинный?

– Да это придурок местный, вон там живет, – сообщил переместившийся поближе к ним охранник. – Он вечно Ляльке букеты таскал.

– Придурок в медицинском смысле или он вам просто не нравился? – уточнила Арина.

– Ну... такой. Букеты не покупал, а наломает веток каких-нибудь и тащит. А то и вовсе травы нарвет – на, мол, от чистого сердца. Да он безобидный.

– А больше ничего и не было, – продолжала Элли-Лиза. – Я ведь даже сперва не забеспокоилась, когда она пропала. Я думала, она домой поехала. Она собиралась. Я только удивилась, что она как-то раз – и уехала. Но там же могло что-то случиться, правда? А телефон не отвечает, потому что там связь плохая, это деревня... ой, я все время забываю название.

– Неважно. Элли, вы сказали, что не забеспокоились, когда Ольга пропала. То есть, когда она ночевать не пришла? Вы же вместе живете?

– Мы... да, мы вдвоем квартиру снимаем... снимали.

Только... понимаете... я не знала, что она ночевать не пришла, я... меня не было, я сразу утром на работу приехала. У меня... – она зыркнула на охранника. – Дела у меня были, вот. И накануне я честно отпросилась.

– Накануне? В последний Ольгин рабочий день? То есть вы не вместе уходили?

Девушка помотала головой.

– Ну я видел, как Лялька уходила, – заявил вдруг охранник. – Если вам это надо.

– Конечно, надо! Рассказывайте.

– Да нечего рассказывать. Я в подсобке ночую, у меня дома... неважно, в общем. Рустем Зафарович не возражает, даже наоборот. Сигнализация – хорошо, а живой человек тоже неплохо. Короче, я тут оставался, а Лялька уходила. Ручкой мне эдак помахала и пошла, а я вслед глядел, фигурка-то у нее... простите. После к ней девчонка какая-то подошла и дальше они вроде вместе двинулись.

– Какая девчонка? Описать можете?

– Девчонка как девчонка. Ляльки повыше, худая, волосы, правда, отличные, пышные такие, вот досюда, – он показал примерно до лопаток.

– Темные, светлые?

– Светлые. Но не как у Элли, а эти, как их, русые.

– Одета как была?

– Джинсы, рубашка... или футболка с длинным рукавом. Жилетка еще была.

– Кожаная? С бахромой?
– Да вроде... Не, не помню.
– И куда они пошли? Вы не заметили? Куда свернули?
– Да вроде не сворачивали. В тачку, что ли, сели?
– В машину? Какая машина?
– А может, и не в машину. Далеко уже было. И я правда не приглядывался. Если бы я знал!

* * *

Девушка, девушка... Свидетели говорят про девушку, камеры ее показывают... Девушка в схему «маньяк» не вписывалась совершенно. Что-то тут было не так, понять бы – что? Едва она сделала шаг внутрь кабинета, сдвинутый на угол стола серый от возраста массивный кнопочный «си-менс» (а может, «самсунг» – время пощадило только первую букву названия) залился пронзительной трелью. С досадой – перебили мысль! – с надеждой – вдруг что-то важное случилось? – и с некоторой долей страха – только бы не еще один труп! – Арина резко потянулась к аппарату, свалив по дороге стаканчик с «перьями». Ручки и карандаши покатились в разные стороны. Ай, ладно, после подберу! Вдруг это и впрямь кто-нибудь с новой информацией – на первый взгляд пустяковой, а на самом деле – ключевой!

Боялась она зря. Но и надеялась – тоже. Звонил дежуривший нынче на проходной Британская Леди.

Бог весть, кто первый назвал так приземистого, белобрысого сержанта Пилипенко. Но прозвище приклеилось. Известно же, что истинная леди никогда не показывает своих чувств, ее ничто не может потрясти или удивить. Флегматичный сержант был до краешка переполнен скупающим безразличием ко всему на свете, сохраняя и в голосе, и на лице всегда одно и то же выражение – «как же вы мне все надоели».

Но сейчас сквозь всегдашнюю неизбывную скуку пробивался слабый росток живого интереса:

– Арина Марковна, тут к вам гражданин просится...

– Свидетель? – с надеждой перебила она.

– Да не то чтобы свидетель. Вроде как наоборот... Да-да, я вас понял, – буркнул Леди куда-то в сторону и после короткой паузы (видимо, слушал, что ему говорят «с той стороны») уныло сообщил. – С повинной, короче, пришел.

– С повинной? Дело в моем производстве или новое что стряслось? – она стремительно перебрала в памяти покоящиеся в сейфе папки. По драке с особо тяжкими (жертва в больнице, но врачи руками разводят, не жилец) нанесший смертельный удар в КПЗ, и сомнений никаких, драку аж две камеры наблюдения зафиксировали. По пожару на стройке прораб, теоретически ответственный за безопасность, под подпиской о невыезде (да и не виноват он ни в чем, не он гастарбайтеров нанимал). По задушенной в своей постели старушке задерживать пока некого: у племянника,

единственного наследника, железобетонное алиби, да и не при делах он, квартирных и финансовых проблем у парня не имеется, бабке ежемесячно к пенсии добавку подкидывал и вообще заботился. Арина была уверена, что старушку придавил подушкой сосед – здоровый, громогласный, наглый. Якобы они с женой шум слышали! А сам спит и видит, как бабкину комнату заполучить и стать единоличным хозяином квартиры. Но следов его присутствия в старушкиной комнате эксперты не обнаружили. А поскольку первый этаж, плюс открытое по летнему времени окно... Так и придется списать дело в архив. А сосед скоренько договорится с племянником и комнату бабушкину заполучит за полцены, а то и за треть.

Неужели у старушкиного соседа совесть проснулась? Или у жены его?

– В вашем, Арина Марковна, производстве дело, – прохрипела трубка. – Ну эти, черные которые, это же у вас? Не забрали еще?

– У меня пока, – она почувствовала, как екнуло в груди. С повинной? Красильщик?

Ей вдруг стало обидно. Как же так?! Она ведь почти уже разгадала «загадку черных тел», а тут – нате вам, готовый ответ преподносят. Нечестно!

Хотя, конечно, грех на такое сердиться. Если злодей пришел с повинной – значит, жертв больше не будет. И это, разумеется, перевешивает все. Потому что, если уж по правде,

то «почти разгадала» – это, мягко сказать, преувеличение.

Вот только с чего бы его на откровенность потянуло?

Она уже почти чувствовала, как работает голова у неведомого злодея. И сдаваться с повинной – это про какого-то другого типа, не про того, кто натюрморты на парковых скамейках выкладывает.

– Только... Арина Марковна... по-моему, он псих, – почти шепотом сообщил Пилипенко.

– А ты думаешь, красить мертвые тела в черный цвет и разбрасывать их по всему городу – признак здорового рас-судка?

– Ну так-то да. Но такой, знаете, вменяемый как бы.

Каждое громкое дело вызывает всплеск «признаний», это известно. А по Красильщику-Имитатору еще никто с «по-винной» не объявлялся. И вот вам здрастье. Но, с другой сто-роны, всякое бывает. Может, и настоящий... Сперва трупы выкладывал, а после спонтанная ремиссия – и пошел каять-ся. Или не ремиссия. Может, он не каяться пришел, а заявить urbi et orbi, городу и миру о необходимости – или даже спа-сительности – собственных деяний.

Чужая душа – потемки. А уж сдвинутая – тем паче.

– Вопрос лишь в том, наш это псих или посторонний. Лад-но, давай его сюда, – распорядилась она со вздохом. – И со спецами свяжись пока – может, они его знают.

– Со спецами? – недовольно протянул Пилипенко. – Да я... У меня же пост...

В своем репертуаре, хмыкнула мысленно Арина.

– У тебя там что, столпотворение?

– Ну так Костик фигуранта к вам поведет, я ж один останусь.

– О боже! – у Арины вдруг лопнуло терпение. – Не хочешь работать – так прямо и скажи. Вызывай оперчасть, пусть они психиатров обрабатывают. Хотя, помнится, фильтровать посетителей, в том числе и на предмет вменяемости – это как раз обязанность дежурного. В общем, смотри сам.

– Арина Марковна! – взмолился Британская Леди, моментально растеряв всю свою надменную невозмутимость.

– Все, – отрезала она. – Ничего больше слушать не хочу. Давай сюда фигуранта и займись уже делом.

Через несколько минут на пороге кабинета появился худенький невысокий дядечка в аккуратном сером костюме: из нагрудного кармашка торчал уголок платка – белейшего, как и рубашка. Серо-синий галстук не оживлял картины. Дядечка походил на сбежавший из витрины манекен. За плечом «манекена» маячила физиономия второго дежурного, Костика. Вспомнить фамилию Арина не смогла – новенький, служил недавно – и, дружелюбно улыбнувшись, махнула рукой – отпустила. И кивнула посетителю:

– Присаживайтесь.

Дядечка пристроился на краешек стула.

Да уж, на самом деле манекеном тут и не пахло. Точнее, как раз пахло. Но отнюдь не манекеном. Господи, он что, во-

обще никогда не моется, изумилась Арина. На вид-то такой вроде чистенький, рубашечка беленькая, костюмчик...

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, – лучезарно улыбнулся дядечка. – Я хотел рассказать про...

– Представьтесь сначала, – перебила Арина. Надежда на то, что посетитель – тот, кого они ищут, гасла стремительно. – Имя, фамилия, отчество...

– Но вы же и так знаете! А... ну да, порядок такой, я понимаю. Имя, фамилия, отчество. Виктор Степанович Черномырдин. А, вам тоже смешно? Ничего смешного. Кто-то же должен принимать эстафету!

– Эстафету?

– Да что вы, право! Вы и сами все знаете, только притворяетесь, чтобы простых людей не пугать. Но я-то и так знаю, можете не притворяться. Когда тот Черномырдин умер, все, что у него в голове было, не могло же просто так исчезнуть!

– И оно переместилось в вашу голову?

– Конечно! Всегда есть резерв, так все устроено.

– Да-да, конечно, что это я. Документ у вас есть какой-нибудь? А то в следующий раз вы скажете, что вас зовут Александр Сергеевич Пушкин или Михаил Илларионович Кутузов.

– Нет, зачем мне так говорить? Пушкин и Кутузов – это кто-то другой, мне с этим бы управиться.

Паспорт, который дядечка извлек из внутреннего карма-

на, и впрямь был выдан на имя Виктора Степановича Черномырдина. Арина переписала данные в протокол, хотя уже понимала, что все это – мартышкин труд. Надо дожидаться «специалистов», которых должен вызвонить Пилипенко – пусть они с этим гавриком разбираются. Он вроде не опасный, но кто знает, если его выставить, что в его больную головушку взбредет.

Арина вздохнула:

– Хорошо, перейдем к делу. Вам кто-то велел сделать признание?

– Что вы! Я сам! Меня же в морг не пускают! Надо, чтобы вы распорядились.

– В морг?

– Ну да. На кладбище – там все нормально, потому что земля, а вот в морге трупы без всякой защиты... Потому что если их не измазать, они тут же заберут тело. Понимаете? Они ведь помешаны на чистоте!

– Они?

– Ну да, – он боязливо покосился куда-то на потолок, ухитрившись при этом втянуть голову в плечи. – Ну... вон те. Им раньше Земля не подходила, а теперь, когда все модифицированное, они и ринулись. Да вы же знаете!

– Да-да, разумеется, – вежливо подтвердила Арина. – Значит, они – вон те – могут захватывать мертвые тела, я правильно поняла?

– Так им же все равно – мертвые или живые. Главное, бы-

ло бы тело. Человеческое.

– Погодите. Мне непонятно. Вы говорите, что мертвые тела надо черным вымазать, чтобы «те» не воспользовались, а вас в морг не пускают.

– Ну да.

– Ладно, с моргом разобрались. А тех-то женщин, из парка, их-то вы зачем убили?

– Убил? – он как будто удивился. – А, этих! Ну да. Так им уже все равно было. Их уже захватили. Надо было остановить, чтоб они других не заразить не могли. Им, если они в человеческом теле, это очень просто: поглядеть пристально, глаза в глаза – и все.

– А зачем на скамейки их сажали?

– Так чтобы внимание обратили! Надо же что-то делать, пока еще не поздно! Вы ведь скажете, чтоб меня в морг пустили? Я затем и пришел.

– Погодите. Морг немного подождет.

– Да как же! Надо торопиться!

– Ничего. Морг хорошо защищен, никто туда не проникнет.

– Вы точно знаете?

– Точно-точно. Я сейчас позвоню их дополнительно предупредить, хорошо?

Она связалась с постом дежурного:

– Ну что там?

– Знают этого типа! – радостно отозвался новенький, чью

фамилию Арина так и не вспомнила. – У него ж фамилия знаменитая, легко найти было. Сейчас приедут.

– Ладно... Держите оборону, – добавила она в уже умолкшую трубку специально для своего визави.

– Вот, все там пока нормально, они постараются. Давайте немного поговорим сначала про тех троих. Про тех, кого, вы говорите, живыми захватили. Вы хорошо помните, как убивали? Можете рассказать? Может, я каких-то подробностей не знаю. Вот вы мне и расскажите.

– Конечно, – еще лучезарнее улыбнулся борец с врагами человечества. – Тут ведь тоже надо секрет знать. Нужно попасть в пятую чакру специальным клинком из метеоритного железа. Вот, – продолжая улыбаться, он ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, выудил из-за пазухи и выложил на стол длинную темную штуку. Не то кусок арматуры, не то обломок автомобильной рессоры. Больше всего «штука» напоминала освобожденную от веток еловую верхушку, но он сказал «железо»...

– А пятая чakra – это у нас где, не помните? – спросила Арина, мысленно скрещая пальцы: пусть «сейчас приедут» окажется минутами, а не часами. Беседа с вонючим дядечкой нравилась ей все меньше и меньше.

Дядечка ткнул себя куда-то в район горла, между ключиц.

– Вот здесь. Вишуддха. Освобождение, значит. Очищение.

– Очищение? А эта ваша... мишутка с водой как-то свя-

зана?

– С водой? Почему с водой? Вода – это вторая чакра, крестцовая. А вишуддха – это уже эфир. При чем тут вода? Почему вы...

Лицо его вдруг странно изменилось. Лучезарная улыбка пропала, зрачки расширились, как от сильного испуга, глаза прищурились, словно он не хотел Арину видеть.

– Вы! Вы! Вы меня обманули! Вы ничего не знаете! Вы... вы... вы тоже! – тяжело дыша, дядечка с громкой фамилией оттолкнулся от края стола выставленными вперед ладонями.

Должно быть, хотел отъехать от чем-то – своей неосведомленностью в «нужных» чакрах, что ли? – испугавшей его Арины подальше. Но «свидетельский» стул был обычным стулом, никаких колесиков. И завалился вместе с преследователем инопланетян назад. Спинка гулко хлопнулась о линолеум, ноги взметнулись, ботинки возделись выше стола, между ними и сползшими брючинами показались носочки. Беленькие, с тонкими голубыми полосками по краю и зелененькими зайчиками чуть выше. Очень трогательные. Надо же, подумала Арина, как же это он, противник мытья, сохраняет носочки в такой чистоте?

И полезла из-за стола – помочь.

– Вы не ушиблись?

Но опрокинувшийся «борец», извернувшись, подскочил, словно все его тело было резиновым, и кинулся к Арине. Правда, как-то боком, и она успела сообразить: не к ней он

кинулся – к столу. На котором все еще лежал «специальный клинок из метеорного железа». Он же кричал «вы тоже», значит, сейчас в его больной головушке она – враг. И он будет ее убивать.

Перегнувшись, Арина дотянулась до железяки и смахнула ее со стола. Но, увы – на ту сторону, где был взбесившийся посетитель. Прищурившись еще больше и почему-то стараясь не смотреть на Арину, словно взгляд в ее сторону мог и его заразить. А, ну да, если она «захвачена», значит, ей достаточно посмотреть на него пристально. Вот он глаза и отводит.

Зато наклонился, выхватывая с пола свою железяку стремительно – что там Брюс Ли! Замахнулся, все так же отводя взгляд – Арина отшатнулась. Стол был довольно широкий, но и железка длинная, если придурок ударит вытянутой рукой – достанет.

И пистолет, положенный по штату, покоился в сейфе!

А на столе – под рукой – ничего, что сгодилось бы в качестве оружия. Только кофейная кружка да графин на подоконнике.

Первой Арина швырнула кружку, полную еще на две трети. Керамический цилиндр угодил нападавшему в плечо, но к сожалению, в левое, «нерабочее». Кофе потек по аккуратному пиджачку, верхняя губа психа дрогнула, он передрнулся – как отряхиваются вылезшие из воды собаки.

От графина он сумел уклониться.

Арина присела: столешница – какая-никакая, а защита.

Потянулась между тумбами, дернула за ногу в трогательном носочке с зеленым зайчиком. Дергать было неудобно, рывок получился так себе, вполсилы, но дядечка пошатнулся. Она дернула еще раз...

...и услышала, как грохнула дверь кабинета.

– Ах ты ж... – голос Костика произнес нечто длинное и заковыристое.

Когда Арина выбралась из-под стола, Костик – даром что новенький, а не промах парень! как же его фамилия-то? – сидел на ее «госте» верхом. Рука заломлена за спину, железка валяется под батареей.

– Простите, Арина Марковна, – смущенно извинился он.

То ли за матерщину, то ли за то, что оставил ее одну с таким... персонажем.

– Все в порядке, Костик. Ты же меня спас.

В распахнутой двери появился бугай в белом халате с какими-то, белыми же, жгутами в правой руке. За спиной его маячил еще один.

– Это кто это тут у нас такой бодрый? – весело проговорил бугай. – Это у нас Виктор Степаныч опять таблеточки пить бросил? Пойдем, пойдем с нами, у нас хорошо, тихо, никаких захватчиков. И помоешься. Разит от тебя, Виктор Степаныч, хуже, чем от пропитого бомжа.

– Как же вы таких бойцов на свободе гулять отпускаете? – сердито буркнул Костик.

Санитар, уже успевший замотать дядечку своими «веревками», только плечами пожал:

– Да мы бы рады не выпускать, законодательство не велит. Он вообще довольно смирный. То есть пока таблетки пьет. Но у него матушка очень набожная, и она считает, что болезнь – это бог наказывает, а лекарства – сатана подсовывает. Вот бы кого изолировать. Но она, к сожалению, не в нашем ведении. Просто дура. И когда эта дама за сыночка своего вплотную берется, он таблеточки-то пить и перестает. Как можно, мамка же не велит. Да и мир ему без таблеточек куда как ярче кажется, столько всего вокруг интересного. Простите, что долго ехали. Хотя и со спецсигналом, а пробки... Да и дежурный ваш не сказал, что тут все так запущено.

– Да он сперва-то вполне нормальный был. Ну то есть ненормальный, конечно, пришел в убийствах сознаваться, про чужаков, которые человеческие тела захватывают, рассказывал. Но спокойно. А после вдруг решил, что я – из них, и меня надо вот этой железкой.

– Ну серьезно он вас не повредил бы, у него даже в шубе некие тормоза в голове остаются. Но поцарапать мог, тоже неприятно, железка-то грязная.

– В какой шубе? – тихо спросил Костик, когда упакованного борца за человеческий разум увели.

– Это у них так резкое обострение называется. Шуб. Иди, Костик, спасибо тебе.

Но он все мялся у двери:

– Арина Марковна, но вы точно в порядке? Надо было мне тут остаться.

– Да нормально все, не трепещи. Я Пилипенко скажу, что ты практически герой. Все со мной в порядке, не беспокойся.

– Все с ней в порядке! – повторил возникший в дверях улыбающийся Чайник. – Вершина у нас молодец! Хорошо устроилась! Только я тебе указание дал психиатров опросить, а она психа уже к себе вытащила! Молодец! Всегда бы так!

Костик тихонечко, бочком удалился.

Чайник поднял «свидетельский» стул, сморщился брезгливо, но уселся:

– Только на премию не рассчитывай, а то, небось, размечталась уже.

– Петр Ильич, это не он.

– Что значит – не он?

– Это не наш фигурант.

– Он же сам пришел. Кто станет признаваться, если не виноват?

– Псих станет. После каждого громкого дела такие ребята к нам прутся.

– А почему ты думаешь, что это не он?

– Он даже не знает, как они умерли. Он их якобы вот этим убивал, – она кивнула в сторону так и оставшегося лежать на столе «специального клинка». – В особую точку.

– Может, придушивается?

– Петр Ильич! Наших жертв где-то держали без воды и еды по несколько дней. И в парки вывозили так, что никто ничего не заметил. И следов никаких. Ни на телах, ни возле. Кто бы ни был наш убийца, он аккуратный, расчетливый и предусмотрительный. А этот...

– Ну ладно, ладно. Только с психиатрами ты все-таки поговори.

– Да десять раз уже говорила!

Но дверь закрылась раньше, чем Арина это сказала.

* * *

– Андросян! Тебя! – Гарик положил трубку на поцарапанную столешницу и уткнулся в свой ноутбук.

Притворяется, подумала Регина. Считает, она не заметит, как он на нее пялится. Глупый мальчишка. Мог бы и предпринять что-нибудь. Ну там в кафе пригласить, к примеру. Нет-нет, ей не нужно, она бы и не согласилась, у нее Руслан есть, так что с личной жизнью все в порядке, но все-таки. Для самооценки хорошо. Она мельком глянула в мутную стеклянную створку полупустого стеллажа, полюбовалась. Слегка вильнула бедром, чтобы не зацепить край стола, где облупившаяся фанеровка торчала занозистыми зубьями – мелкими, не приглядываясь, и не заметишь, но цеплючими. Юбка новая, жалко будет, если зацепится.

Да уж, небось, в Берлине такого нет.

На дверь репортерской комнаты давным-давно, еще до Регины, приклеил схему берлинского метро, сейчас почти неразличимую. Должно быть, именно из-за этой схемы комнату именовали «берлином». Тоже мне! Газета «Вестник Санкт-Петербурга» была далеко не первой руки, и любые неплановые расходы начальство – а именно коммерческий директор – полагало излишними. Ремонт? Новая мебель? Да ладно, и так сойдет, не баре чай! Потолок не течет, столы-стулья, хоть и скрипят, но держатся, свет горит, в окно не дует, телефон работает – каких вам еще удобств?

Аппарат городского телефона был такой же древний, как все тут. Зеленая пластмасса с повернутого к окну бока выцвела, трещина поперек телефонной «морды» почернела от грязи. Трубку и сам телефон Регина периодически протирала гигиеническими салфетками – противно было дотрагиваться до залапанного пластика. Но с бледным гадким пятном сбоку и с черной трещиной ничего сделать было нельзя.

Ладно, пусть не Берлин. Кем бы она там работала? Там немецкий язык, а у нее и английский-то через пень-колоду, давно надо бы подтянуть, но все как-то не получается. Да и Питер бросать не хотелось бы, хорошо тут. Вот бы только из этой занюханной газетенки куда-то поприличнее перебраться.

На телевидение, например!

А что такого? Мозги у нее есть, русский язык в порядке, дикция тоже, и внешностью природа не обидела. Чем она

не телерепортер? Даже практика кое-какая имеется. Специально завела видеоблог, чтобы привыкнуть в камеру глядеть и говорить. И вроде вполне прилично получается... Нужен просто шанс. Счастливый случай, который позволил бы поделиться из тысячной толпы таких же журналистов и блогеров. Нужно, чтобы тебя заметили – тогда и работа на телевидении из мечты станет вполне достигаемой реальностью.

Перед тем как поднести трубку к уху, Регина покачала ее на весу, чтобы ведущий к аппарату витой шнур раскрутился.

– Слушаю вас.

– Регина? – прошелестел голос в трубке. Непонятно, мужской или женский, и вообще как будто бесплотный. Как будто на том конце никого, а голос – сам по себе.

– Регина Андросян, – подтвердила она. – Слушаю вас.

– Вы писали о девушках в парке, – произнес бесплотный голос.

– О девушках в парке? – недоумевая, переспросила она и только тогда сообразила: черные трупы! – Да, это я.

Прикусила губу, шагнула в сторону, протиснулась за Милкин стол, переставив на него телефон, опустилась в расшатанное офисное кресло. Телефонный провод перегородил проход между столами, ну да ладно. Регина покосилась на Гарика, но тот вроде все так же пялился в свой ноут. Слышал или нет? Журналистика – штука такая, тут каждый сам за себя. А если обладатель бесплотного голоса хочет поделиться какой-то информацией о деле Красильщика – это же

бомба! И тогда мечты о телевидении могут вполне реализоваться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.